

президент не может утереть

Владимир
Гриньков

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Владимир Гриньков

Президент не может умереть

«ВЕЧЕ»

2015

Гриньков В. В.

Президент не может умереть / В. В. Гриньков — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-9013-6

Павел Хомутов, переводчик советского посольства в одном из ближневосточных государств, оказывается в центре событий, приводящих к перевороту. С этого времени жизнь его круто меняется. Поначалу Павел — лишь пешка в тайной игре спецслужб, его готовят в двойники президента Фархада, но после гибели президента Павел неожиданно действительно оказывается на вершине власти, и именно на него теперь открыта настоящая охота!..

ISBN 978-5-4444-9013-6

© Гриньков В. В., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Гриньков

Президент не может умереть

1

*Совершенно секретно
В Управление кадров
Министерства иностранных дел СССР
Копия – в КГБ СССР*

Докладная записка

Настоящим сообщаяю, что посол СССР в Джебрае Агафонов А.В. проводит кадровую политику с нарушением существующих положений и инструкций, что противоречит интересам безопасности Советского государства. В текущем году перед послом СССР в Джебрае мною был дважды поставлен вопрос о немедленной отправке на Родину переводчика Хомутова Павла Ивановича. Это связано с тем, что в декабре минувшего года скончалась мать Хомутова П. И., после смерти которой у него не осталось на Родине никого из родственников.

Согласно п. 8.1 «Инструкции о порядке направления специалистов в загранучреждения СССР» от 15 января 1955 года не подлежат направлению на работу в загранучреждения СССР лица, у которых не остается близких родственников в СССР.

Хомутов П. И. по роду своей деятельности является носителем секретов государственной важности, и в случае его перехода на сторону враждебных Советскому государству сил размеры возможного ущерба могут быть чрезвычайно велики.

В связи с изложенным выше предлагаю Управлению кадров МИД СССР в кратчайшие сроки решить вопрос об отозвании Хомутова П. И.

Полковник КГБ М. И. Гареев

1

– Я сейчас прокручу сначала, – сказал Абдул. – А ты смотри внимательно.

На экране телевизора замелькали кадры прошлогоднего военного парада. Джавад придвинулся поближе. Президент Фархад стоял на трибуне в окружении приспешников и охраны. Камера развернулась, и теперь Джавад видел марширующие шеренги солдат, а в отдалении – выкатывающуюся на площадь бронетехнику.

– Вот, сейчас! – быстро произнес Абдул. – Камера еще чуть повернется...

Она и повернулась. Абдул нажал кнопку на пульте, изображение на экране замерло.

– Вот оно, это место, о котором я говорил, – Абдул показал на экран. – Два дома, между ними проход. Очень узкий. Там и поставим стрелка.

– Послушай, но служба безопасности во время правительственных мероприятий перекрывает все проходы и проезды, прилегающие к площади.

– Это не проезд, Джавад. Там такой тупичок, вроде небольшого дворика. Когда-то там действительно была улица, потом ее перегородили стеной. Но стена невысокая, метра два, не больше. Они не ожидают, что с этой стороны может кто-то появиться. Мы подъезжаем к этой стене, переправляем через нее стрелка и гранатомет. Позиция отличная, я проверял. Стрелок выбирается из тупичка и оказывается прямо перед президентской трибуной. Промахнуться оттуда невозможно. Выстрел, пятнадцать секунд – и он уже снова в машине.

Абдул говорил об этом как о деле решенном.

– Но они могут держать людей из службы безопасности в этом тупичке, – возразил Джавад. – Вы подъезжаете, не ожидая их встретить, взбираетесь на стену...

– Мы выясним точно, ставят ли они там посты.

– Об этом я и толкую. В остальном план неплох. Кажется, мы еще никогда не были так близки к предателю.

Они не называли президента иначе – только предателем.

– Я сообщу об этой идее руководству, – сказал Джавад.

– Ты не успеешь добраться до них, а негодяй уже будет мертв! – усмехнулся Абдул.

– Да поможет вам Аллах! Я сегодня же отправлюсь в Мергеши.

– Будь осторожен, проклятые ищейки шныряют повсюду.

– Я не боюсь их.

Они крепко обнялись.

– До встречи, – сказал Абдул.

– До встречи, – эхом отозвался Джавад.

Одному из них оставалось жить считанные дни.

2

Хомутов выбрался в город под вечер, когда раскаленный добела купол неба начал остывать и приобрел естественный густо-синий цвет. Еще было жарко, но не так, как днем, и улицы ожили, заполняясь людьми. Старики в чалмах, женщины под черными покрывалами – все было знакомо, ничто уже не вызывало любопытства, как в первые недели жизни здесь. Примелькались невысокие, в два этажа, глинобитные постройки с плоскими крышами, портреты президента Фархада на каждом шагу, полицейские, хмуро поглядывающие на спешащих людей. Теперь Хомутов ощущал себя здесь своим. По крайней мере так ему казалось.

В город он отправился с одной целью – купить джарги, местной травки со специфическим вкусом и запахом. Все остальное можно было добыть в магазине посольства, но джарги там не бывало никогда. Обычно Хомутов покупал ее в небольшой лавчонке неподалеку от президентского дворца.

Лавочник уже успел запомнить Хомутова и встретил его белозубой улыбкой:

– О, советки! За джарга пришел, да? Никто так не любит джарга!

– Здравствуй, как торговля? – поинтересовался Хомутов.

Он говорил на диалекте, которым пользовались все хедарцы, жители столицы.

– Слава Аллаху!

– И президенту Фархаду, – буркнул Хомутов невозмутимо.

– И президенту Фархаду, – поспешно добавил лавочник.

– То-то...

Хомутов вынул деньги, отсчитал.

– Сегодня джарга – лучше не бывает, – похвалил продавец.

Хомутов вышел из лавки. Серая громада президентского дворца с другой стороны площади смотрела на него поляроидными непроницаемыми стеклами окон. Вдоль ограды лениво бродили охранники.

Внезапно из ворот дворца опрометью вылетело несколько джипов, рассыпалось веером по площади, прохожие привычно бросились к стенам ближайших домов, ища укрытия. Один из джипов притормозил рядом с Хомутовым, оттуда вывалился толстяк в камуфляжной робе с резиновой палкой в руке и зарычал, как натасканный пес. Еще секунда – и палка раскроит лицо того, кто выказал непозволительную медлительность, не успев скрыться в щели. В последний миг Хомутов отрывисто бросил:

– Я – советский!

Палка описала замысловатую дугу перед самым его носом. Толстяк произнес, умеряя свирепость голоса:

– Прошу прощения, здесь сейчас нельзя находиться. Покиньте, пожалуйста, площадь.

Советских не трогали. Наоборот, подчас к ним относились с подобострастием.

Хомутов зашагал с опустевшей площади. Джип за его спиной развернулся, перекрывая проулок, и почти одновременно с этим распахнулись ворота дворца и вереница черных лимузинов выкатилась на площадь. Президент Фархад отбывал, завершив напряженный рабочий день...

Спустя четверть часа Хомутов был уже в посольском городке. В двери его квартиры торчала записка: «Посетил, но не застал. Скорблю. А ведь все могло быть так прекрасно. Если нет противопоказаний – загляни ко мне. Имею новость». Писано было рукой Уланова, он и собственной персоной появился через несколько минут, да не один, а с дамой, которую Хомутов видел впервые.

– Записку читал? – поинтересовался Уланов.

– Читал.

– И что же?

– Я только что возвратился.

– Много работы?

– Да нет. В город ходил за джаргой.

– А я решил было – встречался с президентом Фархадом, – хмыкнул Уланов.

– И это было. Едва по физиономии не схлопотал.

– От Фархада?

– Еще чего! От какого-то из его волков. В последний момент успел сказать, что – советский.

– Тот небось не поверил. У тебя же рожа, как у ихних повстанцев. Верно, Люда? – Уланов повернулся к женщине, вовлекая ее в разговор.

– Действительно, похож, – согласилась она, разглядывая Хомутова. Глаза у нее были спокойные, зеленовато-серые, опущенные темными густыми ресницами.

– Чепуха, – буркнул Хомутов. – Это все из-за загара. Бросьте чушь городить...

– «Чушь», – передразнил Уланов. – Ты когда на хедарском говоришь, тебя местные за своего принимают. – Он улыбнулся Людмиле. – Представляете, Люда, едет Хомутов однажды через некое селение, машина сломалась – хоть караул кричи. Подходит к нему тамошний полицейский. Скучно блюстителю порядка, разморило его, полдень. Ну а в Джебрае, да будет вам известно, никакая работа быстрее, чем за неделю, не делается. И тут Хомутов...

– Ну ладно, будет тебе!

– Чего – ладно? Человеку ведь интересно.

– Интересно, – подтвердила Людмила.

– И тут Хомутов вдруг начинает по-джебрайски орать на полицейского. Чтоб в две минуты, значит, все было сделано и бензин чтоб под горловину... И как вы думаете, каков был результат?

– Ну? – спросила Людмила, смеясь.

– Через четверть часа товарищ Хомутов уже продолжал путешествие. И знаете, почему? Полицейский принял его за важную шишку из Хедара. По меньшей мере за министра внутренних дел!

– Ну и трепло же ты! – бросил в сердцах Хомутов.

– Я? Трепло? – Уланов готов был обидеться. – Давай по порядку. Обломался по дороге? Было?

– Было.

– На полицейского орал на хедарском диалекте?

– Орал.

– Машину отремонтировали?

– Отремонтировали.

– За бензин ты платил?

– Пошел ты к черту!

– Не платил, не платил, я же знаю! И после всего этого ты хочешь, чтобы тебя за джебрайца не принимали?

Хомутов махнул рукой и двинулся на кухню. Уланов протиснулся следом, поплотнее прикрыл за собой дверь и спросил шепотом:

– Ну как тебе? Видал? – теперь он говорил о Людмиле.

– Ничего. Кто такая?

– Только что из Союза. В госпитале будет работать. Похоже, «чекистка».

– С чего ты взял? – спросил Хомутов.

– Точно тебе говорю! Незамужняя – мало мы, что ли, таких видали? Но предупреждаю – сегодня сплю с ней я.

– Феодальное право?

– Вот-вот.

Дверь отворилась, и Людмила проговорила укоризненно:

– Вы чего меня бросили, ребята?

– Людочка, не волнуйтесь, – засуетился Уланов. – Мужской разговор. Проблема торжественного приема в вашу честь.

– И как – решена проблема?

– Паша, решена? – осведомился Уланов.

– Давай, берись за картошку. Она за диваном, в сумке. А мы с Людой займемся более тонкими материями.

Хомутов извлек из холодильника кусок мяса и множество баночек с приправами.

– Займитесь мясом, Люда, а я пока соус приготовлю. Разделочная доска в шкафу, нож в столе.

Люда резала филе тонкими длинными ломтями – так, как делала его покойная мать. Хомутов вздохнул и отвернулся. В кухню сунулся Уланов, полюбопытствовал:

– Паша! А самый главный продукт охлаждается?

– Это какой же? – спросила Людмила.

– Водка, разумеется.

– О? Я слышала, что здесь сухой закон и с этим очень строго.

– В пределах городка не возбраняется потреблять спиртное в умеренных количествах. Но если попадетесь во хмелю, с вами поступят круче, чем с коренным джебрайцем.

– А как с ним поступают?

– Казнят, только и делов, – невозмутимо пояснил Уланов.

Людмила вздрогнула и взглянула на мужчин. В ее взгляде было тревожное недоверие.

– Что же тогда нашим грозит? – осторожно спросила она.

– Здесь дело хуже. Молча отправляют домой.

Людмила с облегчением рассмеялась.

– Разве это так страшно?

– Сюда приезжают деньги зарабатывать, – пожал плечами Уланов. – И горько лишиться такой возможности. Обидно, знаете ли. Вон, у Паши спросите, если не верите.

– А при чем тут Паша?

– Именно это ему и грозит. Не по причине пьянства, нет. Тут другое. У него родственников в Союзе не осталось.

– То есть как? Совсем?

– Совсем. А без этого за границей работать не положено. Убежать может.

– Куда?

– Ну, куда... В Америку, к империалистам. Ведь убежишь, Паша?

– Убегу, – буркнул Хомутов. – Как Бог свят, убегу.

– Видите, Люда, до чего человека доводит перспектива лишиться заработка. На все готов! – Уланов захохотал.

– А мне, знаете, здешняя жизнь как-то не кажется привлекательной, – призналась Людмила. – Жара, пыль, люди какие-то запуганные...

– Да, Фархад их здорово прижал, – кивнул Уланов. – Куда там казарма.

– А как иначе? – сказал Хомутов. – Ситуация напряженная, не исключены провокации.

Уланов коротко взглянул на друга, хотел было съязвить, но воздержался. Покосившись на Людмилу, он пробормотал:

– Нам-то что за дело. Всяк живет по-своему.

В нем ощущалось какое-то напряжение, и оттаял он лишь после того, как они прикончили первую бутылку. Хомутов включил телевизор. Шел какой-то тягучий концерт.

– А фильмы у них бывают? – поинтересовалась Людмила.

– Редко. В основном музыка да еще новости. Здесь всего одна программа.

– Убого живут, – вставил Уланов.

Он уже подсел поближе к Людмиле и пару раз будто невзначай попытался приобнять ее. Она не противилась, словно не замечая, но когда он в очередной раз положил ладонь на ее бедро, молча поднялась и пересела поближе к Хомутову. Уланов разочарованно ухмыльнулся, но обижаться не стал – впереди была ночь. Девушка ему нравилась, и он решил не задерживаться у Хомутова.

Когда багровое солнце стремительно свалилось за цепочку дальних гор, Уланов с озабоченным видом начал собираться, многозначительно поглядывая на Людмилу, которая его как бы и не замечала. Наконец, когда Уланов чересчур явно стал выражать нетерпение, она мягко проговорила:

– Вы ступайте домой, Дима, меня не надо провожать. Я Павлу помогу прибраться.

Уланов побагровел, метнул на Хомутова испепеляющий взгляд, но тот лишь пожал плечами: мол, что поделаешь, дама сама сделала выбор. Потоптавшись, Уланов двинулся к дверям, Хомутов нагнал его уже на лестнице. Нескладно как-то все получилось.

– И как это называется? – бурчал Уланов. – Свинством это называется.

– Пардон, Дима. Но я тут ни при чем.

– Ни при чем! Да что она строит из себя, шалава эта?

– Тише, услышат!

– А-а, к матери! – Уланов махнул рукой и зашагал прочь.

Когда Хомутов вернулся, Людмила сидела на прежнем месте, глядя в синее окно. Он потянулся было к выключателю, но Людмила сказала, не оборачиваясь:

– Не надо, Паша. Давайте немного посидим так...

3

Ее кожа была прохладной. Хомутов легко коснулся затылка Люды, скользнул ладонью к лопаткам. За окном уже светлело, верхушки гор отчетливо вырисовывались на сереющем небосклоне. Люда лежала с закрытыми глазами, но не спала – Хомутов чувствовал это по дыханию. Он хотел подняться, чтобы поставить чайник на плиту, но Люда быстрым движением обвила его руками, прижалась, по-прежнему не открывая глаз.

– Это правда, что тебя скоро в Союз отправят? – спросила она неожиданно. Вопрос прозвучал так, что Хомутов понял – она думала об этом все утро. Спросила – и открыла глаза, смотрела пристально.

– Зачем тебе? – ответил он вопросом на вопрос.

– Нет, скажи.

– Могут и отправить.

– Почему?

– Есть такое положение. Пока ты за бугром, надо, чтобы в Союзе оставался кто-то из родных. Жена, родители, еще лучше – дети. Якорь.

– Вроде заложников, да?

Хомутов пожал плечами и уставился в потолок.

– А у тебя теперь нет никого?

– Никого. Мать умерла в прошлом году. Я один.

– А... жена? – она на мгновение запнулась.

– Нет у меня никакой жены.

– Развелся?

– Мы и не были расписаны. Пришло время – разбежались, вот и все.

Люда судорожно вздохнула, и в этом вздохе была и прежняя ее жизнь, и все, что происходило с ней сейчас. Сюда, в Джебрай, согласилась, наверное, ехать в ту же секунду, как предложили. Всегда кажется, что прошлое можно оставить где-то далеко-далеко и начать все с начала. Если бы! Очутившись здесь, она, похоже, обнаружила, что ничто не ушло, только теперь она была в одиночестве и помощи ждать было неоткуда. Люда снова придвинулась к нему, прошептала:

– Я не хочу, чтобы ты уезжал.

4

Лет пятнадцать назад жизнь в Джебрае была куда спокойнее, размереннее и, следовательно, комфортнее – так считал Александр Викторович Агафонов, бессменный посол СССР в этой стране. Монарх Джебрая, человек консервативных привычек и традиционных взглядов, правил страной, не вмешиваясь ни во что, и со стороны казалось, что все до единого джебрайцы живут в такой же полудреме, как и их правитель. Время здесь остановилось, и об этой захолустной державе, казалось, весь остальной мир забыл. Возможно, джебрайцы и удивились бы, обнаружив, насколько убога их жизнь по сравнению с другими, но телевидения в стране в те годы не было, а газеты, выходившие в столице Джебрая – Хедаре, оставались непрочитанными, потому что даже в столичном округе девяносто семь человек из ста не умели читать.

Александр Викторович, получив назначение в эту страну послом, приехал, огляделся и с изумлением обнаружил, что ему здесь, в общем-то, нравится. Дома ему казалось, что в этой жаркой, словно припудренной серой пылью стране человек, привыкший к московской суете, непременно должен затосковать, и действительно, поначалу его опасения вроде бы начали сбываться. Однако минула неделя-другая, и Александр Викторович понял, что ошибался. Само

собой, здесь не было театров и больших приемов, кино крутили только в крохотном просмотровом зальчике посольства, но зато Александр Викторович открыл для себя две вещи, которые перевесили все остальное: во-первых, жизнь здесь была лишена неожиданностей, а во-вторых, над ним не было никакого начальства. Те, кому он подчинялся, пребывали в Москве, никогда не добираясь до Хедара. Не то они представляли себе здешние места так, как некогда сам Александр Викторович, не то в державной столице у них были дела поважнее. Агафонов быстро свyksя с таким положением вещей и временами даже благодарил судьбу за то, что все сложилось именно так, а не иначе.

Конец всей этой безмятежной жизни, как водится, пришел неожиданно. Началось с того, что, по указанию свыше, был едва ли не втрое расширен штат посольства. МИД не дал разъяснений, ограничившись сухим замечанием, что в причину этого посол будет посвящен позднее.

Очень скоро Агафонов понял, что его новые сотрудники как бы и не совсем его, а скорее по другому ведомству – госбезопасности или военной разведки. Люди эти появлялись и исчезали, но чем они занимались, Агафонов до поры не ведал, пока однажды его не вызвали шифрограммой в Москву, где в огромном прохладном кабинете в здании МИДа ему сообщили о том, что в Джебрае скоро произойдут значительные перемены. Монарх стар и практически недееспособен, страна не имеет крепкого руководства, а международная обстановка крайне обострена. Кое-кто уже нацелился на Джебрай (при этом известии Александр Викторович почувствовал себя нехорошо), но, к счастью, в Джебрае есть патриоты, которые озабочены судьбой своей родины – и за ними будущее.

Агафонов наконец сообразил, что следует ожидать переворота, и не ошибся. Через неделю после его возвращения в Хедар группа молодых офицеров гвардии выступила против монарха. Революция была бескровной, если не считать гибели самого престарелого правителя. История вышла довольно темная. Говорили, что монарх испугался ворвавшихся во дворец мятежных офицеров, выбросился из окна и разбился насмерть. Так ли это было на самом деле, Агафонов не знал. Доходили до него и другие версии. Второй секретарь посольства утверждал, что на теле покойного было полтора десятка огнестрельных ранений, которые вряд ли могли образоваться при падении из окна, но у Агафопова не было желания вдаваться в детали.

Жизнь посла теперь изменилась в корне. Революционный совет, пришедший к власти, обратился к Союзу за помощью. Москва, как водится, незамедлительно откликнулась. В Хедар зачастили делегации, Москва непрерывно требовала информации о положении в стране, в порты Джебрая пошли потоки грузов – и все это пало на плечи Агафопова и его сотрудников. Сонный покой вспоминался теперь как нечто нереальное. Но это были еще цветочки.

Неожиданно полыхнуло в северных провинциях, откуда был родом руководитель Революционного совета товарищ Фархад. В тех краях всегда жили хуже, Агафонов об этом знал, но слишком много сил уходило на укрепление завоеваний революции, и Фархаду было не до проблем северян. Когда его соплеменники поняли, что оставлены на произвол судьбы и никого не заботит, что они вымирают от голода и болезней, разразился бунт. В два дня были разгромлены местные отделения Революционного совета, пролилась кровь, и хотя Фархад быстро и жестоко подавил восстание, двинув в северные провинции верные ему войска, полностью погасить пожар он не смог – повстанцы ушли в горы. Укрепившись там, они предали проклятию своего земляка и поклялись любой ценой уничтожить изменника.

Фархад надеялся рано или поздно выкурить повстанцев с их баз. Они располагали допотопным вооружением и почти не имели продовольствия и медикаментов. Однако довольно скоро стало ясно, что он ошибался. Американцы, оценив ситуацию и поняв, что могут утратить влияние в этом регионе навсегда, сделали ставку на повстанцев. За полгода в северные провинции было переброшено столько оружия и боеприпасов, сколько их имелось у регулярных частей Фархада.

С тех пор война с севером, затянувшаяся на десятилетие, не давала послу расслабиться ни на час. Он жил, словно на передовой. Посольство находилось на полувоенном положении, и задачи послу приходилось зачастую решать военные: как расширить госпиталь, построенный на деньги Союза, как обеспечить прием воинских грузов и прочее тому подобное. Со временем Агафонов с изумлением обнаружил, что мало-помалу утрачивает нити управления жизнью посольства, а часть его функций переходит к другим людям. Тот же полковник Гареев, присланный по линии КГБ, позволял себе решать многие вопросы без санкции Агафопова, и даже – чего раньше никогда не бывало – осмеливался вторгаться в те области, которые исконно были приоритетными для МИДа. Это действовало на нервы, и в один из дней Агафонов не сдержался и остановил Гареева в коридоре посольства. Он старался, чтобы голос его звучал ровно, не выдавая обиды:

– Мне из Москвы переслали на днях документ, в котором сообщается, что из посольства регулярно поступают сигналы.

Гареев слушал молча, лицо его ровным счетом ничего не выражало.

– Я имею в виду ваши писания, – продолжал Агафонов. – В частности, по поводу переводчика Хомутова.

Невозмутимость Гареева бесила его, и посол не выдержал, повысил голос:

– Хомутов – единственный сотрудник посольства, владеющий как хедарским наречием, так и языком северных провинций! Единственный! Это вы понимаете?

Щека Гареева наконец дрогнула, и он негромко и оттого тем более веско проговорил:

– Разве у нас есть незаменимые работники, Александр Викторович?

Агафонов понял его правильно. В этой фразе разом звучали и предостережение, и угроза.

– На меня возложена задача по обеспечению безопасности посольства, – продолжал Гареев. – Поэтому я настаивал и буду настаивать на этом. Инструкция не должна нарушаться. Хомутов должен быть возвращен на родину.

Развернувшись на каблуках, полковник зашагал прочь. И Агафонов понял, что сделать он ничего не в силах, разве что немного оттянуть отправку Хомутова. Но и только. Гареев своего добьется.

5

Джавад ехал на север, в Мергеши, не таясь. Его документы были сделаны тщательно, все печати и подписи красовались где положено, и при проверках Джавад чувствовал себя совершенно спокойным.

Автобус останавливали часто, и чем ближе к Мергеши, тем чаще. Здесь начинались мятежные провинции, подавленные террором, но не покоровившиеся, и солдаты на контрольных пунктах свирепствовали вовсю. После одной из проверок из автобуса выволокли и увели куда-то двух парней, во время следующей остановки – еще одного. Никто из них не вернулся, и Джавад решил, что на этот раз ему повезло с документами.

Собственным именем он не пользовался уже несколько лет. Менял бумаги и адреса, и это стало привычкой, и из Мергеши в Хедар ездил регулярно, как в командировки, координируя работу столичных групп. Здесь, в Мергеши, был сейчас центр сопротивления, отсюда шли деньги, оружие, идеи и прямые приказы, нацеленные на одно: расправиться с предателем. Кто в дни революции мог предположить, что все так обернется? Все были полны эйфории. Старого монарха не любили, и его низвержение было встречено ликованием. Однако довольно скоро выяснилось, что на смену одному деспоту явился другой. Те, кто поднялся на гребень революции вместе с Фархадом, начали умирать один за другим, и зачастую смерть их была насильственной. Никто не верил Фархаду, утверждавшему, что они предали святое дело и за это понесли кару. Тем временем жизнь становилась все хуже, в особенности на севере.

К Фархаду обратились старейшины, заклиная спасти земляков, протянуть руку помощи. Он же так повернул дело, как будто они, седые и умудренные, призывают к мятежу. Старейшин вызвали в Хедар, а когда они явились – обезглавили. Головы несчастных были выставлены на площади перед президентским дворцом – чтоб было неповадно. С этого дня Фархад был приговорен.

Джавад знал, что предатель так или иначе умрет. Но никогда еще они не были так близки к осуществлению своего плана. Абдул, светлая голова, все рассчитал верно. Именно во время военного парада, когда тысячные толпы на площади и грохот техники отвлекают внимание охраны, возникнуть внезапно, словно из ниоткуда, ужалить – и исчезнуть без следа, пока на трибуне кровь, а в толпе вопли и паника.

Автобус в очередной раз встал. Джавад выглянул в окно – снова проверка, самая окраина Мергеша. В салон вошли двое солдат и еще один – в штатском, Джаваду его лицо показалось знакомым, и едва он успел об этом подумать, как их взгляды встретились. Штатский короткое мгновение вглядывался в лицо Джавада, и вдруг кивнул, как знакомому – но без улыбки. Значит, и впрямь где-то виделись раньше, но где? Джавад мучительно вспоминал, тем временем протягивая документы для проверки. Штатский полистал удостоверение без всякого интереса, но внезапно одна из страниц привлекла его внимание. Лицо его вытянулось, Джавад почувствовал, как озноб охватил тело, хотя еще и не осознал, что произошло. За его спиной солдат, заметив выражение лица штатского, приподнял автомат. Теперь ствол смотрел Джаваду в затылок. Наконец штатский сказал, справившись с изумлением:

– А ты разве не из Физули родом? Что-то я не пойму, земляк...

И Джавад вспомнил! Месяц назад точно так же он попал в проверку на трассе. В прежних документах значилось место рождения – Физули. И этот самый штатский агент, да-да, это был он, пробурчал под нос:

– Земляк, значит!

И спросил что-то про Физули, в котором Джавад отродясь не бывал. Он как-то выкрутился тогда, но теперь – новые документы, ни о каком Физули нет и речи... Ах, скверно вышло... И едва он успел подумать об этом, как его уже волокли к выходу из автобуса.

На контрольном пункте, в тесной вонючей комнатенке, его продержали около часа, пока не пришла машина. Джавада швырнули на заднее сиденье, и по тому, как с ним обращались, он понял, что попал к людям из службы безопасности. Значит, дела совсем плохи.

Бить начали сразу, едва успев доставить его на место, и только когда он был уже совсем плох, приступили к допросу. По характеру вопросов Джавад понял, что его принимают за того, кем он и был на самом деле – за связного. Это значило, что умереть ему не дадут, пока он не скажет все.

Здесь, на севере, служба безопасности в последнее время не могла похвастаться особыми успехами, и начальство, сидевшее в Хедаре, уже начало выражать недовольство. Связной мог отвести от них удар, оставалось лишь заставить его разговариваться.

С Джавадом промучились двое суток, но не продвинулись ни на шаг. Даже его настоящее имя не удавалось установить. Наконец, решившись, связались со столицей и доложили: захвачен связной, следовал из Хедара, очевидно, с важной информацией. Расчет был прост – хедарцы явятся незамедлительно, и кто знает, не исключено, что решат сами заняться этим молчуном. А уж тогда с них и спрос. Не добьются ничего, спровадят на тот свет – они и виноваты.

В Хедаре известие было принято с воодушевлением. Руководство спецслужбы без промедления обратилось в советское посольство – именно там имелись специалисты, занимавшиеся вопросами безопасности президента Фархада.

Полковник Гареев, получив исчерпывающую информацию, отправился к послу Агафонову и как ни в чем не бывало попросил:

- Александр Викторович, одолжите мне этого вашего переводчика на пару дней.
- Какого переводчика? – Агафонов сделал вид, что не понимает, о чем идет речь.
- Того, по которому отечество давно плачет, – пояснил Гареев все так же невозмутимо. – Хомутов его фамилия, если не ошибаюсь. Я в Мергеши лечу, нужен кто-нибудь, кто знает северное наречие.
- Берите, – пожал плечами посол. – Не убудет.

6

В вертолете летели вчетвером: Гареев, Хомутов и двое джебрайцев из службы безопасности – низкорослые, усатые, каменно-молчаливые. Экипажем вертолета командовал Уланов. На аэродроме, перед вылетом, он кивнул Хомутову, но больше не проронил ни слова. Хомутову показалось, что приятель сильно не в духе, но вопросов задавать он не стал и правильно сделал, потому что все само собой разъяснилось, когда они прилетели в Мергеши. Пока Гареев прохаживался возле вертолета, разминая ноги, Уланов подошел к Хомутову, сказал неспешно, поглядывая с прищуром на невысокое солнце:

- Мы так не договаривались, Паша. Ведешь себя, как собственник. Не годится.
- Ты о чем? – изумился Хомутов, начиная, однако, смутно догадываться.
- Как о чем? Я ее первый приколол, а ты стреножил и не отпускаешь.
- Вот оно что, подумал Хомутов.
- При чем тут я? – слабо попытался он защититься. – Разве дело во мне?
- Уланов взгляделся в его лицо.
- Ладно. Вернемся в Хедар – со мной спать будет.
- Ты не понял, Дима, – поморщился Хомутов. Разговор выходил тошнотворный. – Все не так просто. Она не из этих...
- Да что ты говоришь? – саркастически ухмыльнулся Уланов.
- Точно. Тут все иначе...
- Приблизившись к ним, Гареев сказал:
- Едем, пора.

И действительно, у вертолета уже стоял армейский джип с работающим мотором. Хомутов направился к машине, оставив Уланова у вертолета, и, только уже садясь, на мгновение обернулся: Уланов орал на второго пилота, злость срывал.

В машине было душно, застарело пахло потом и чесноком. Гареев уселся рядом с Хомутовым, хлопнул дверцей. Человек на переднем сиденье, одетый в полувоенную робу, обернулся, проговорил на северном наречии:

- Сразу на место двинем. Не возражаете?
- Хомутов перевел. Гареев молча кивнул и отвернулся к окну.
- Ничего толком мы еще не знаем, – продолжал местный. – Но, похоже, птица не из простых.
- Хомутов снова перевел.
- Почему так решили? – спросил Гареев, не отрывая взгляда от окна, за которым тянулись однообразные мазанки окраины.
- Документы у него слишком хорошо сделаны. Простым боевикам таких не дают. Ехал из Хедара рейсовым автобусом. Очевидно, готовится какая-то крупная акция.
- В Хедаре?
- В Хедаре, да, – кивнул человек на переднем сиденье. – Идет подготовка к военному параду, вы ведь знаете. Президент Фархад примет в нем участие. Нет ли здесь связи?

Гареев задумчиво посмотрел на собеседника. Выглядело это довольно правдоподобно, и он встревожился.

Джип остановился у массивных железных ворот, засигналил. Ворота со скрипом отворились, открыв унылое пространство испепеленного в прах двора, за которым высилось мрачное здание в три этажа с окнами, забранными решетками. Джип описал дугу и остановился. Человек на переднем сиденье снова обернулся, заметил буднично:

– Пришлось немного попортить физиономию этому мальчугану.

Хомутов, переведя Гарееву, внезапно понял, что сказано это не просто так – их готовят, чтобы не было неожиданностей. Сердце его сжалось, и по гулким пустынным коридорам он шел, ощущая, как холод сковывает спину. Представлялось: они входят в какую-то камеру, а там – не человек, а кровавое бесформенное месиво на полу, нечто ни с чем не сообразное. И вот это нечто начинает шевелиться, хлюпая в луже крови и мочи, поворачивает к ним свой ужасный лик...

Он искоса взглянул на Гареева. Тот шел спокойно и уверенно, на лице полковника ничего не было, кроме деловой озабоченности. Миновали коридор, поднялись на второй этаж, провожатый распахнул одну из дверей и жестом предложил войти. Хомутов переступил порог, с трудом удерживаясь, чтобы не зажмуриться от накатившего на него липкого ужаса.

К его удивлению, ничего сверхъестественного он не увидел. Двое мужчин – один сидел за столом, второй со скучающим видом стоял у окна, и еще был третий, по другую сторону стола, – он сидел на стуле, уперев локти в колени, и когда скрипнула дверь, стремительно обернулся к вошедшим. Хомутов поразился его бледному, цвета сырой муки, лицу. Те, что были позади стола, приветствовали их и представились. Обычные офицеры службы безопасности, третий же, с белым лицом, оказался тем, из-за кого Гареев примчался в Мергеш. Услышав об этом, Хомутов взглянул на арестованного с невольным изумлением – тот никоим образом не походил на террориста, сурового боевика, о которых ему приходилось слышать. Мал ростом, тщедушен. Может, ошибка? Арестованного удалили из кабинета, чтобы ввести Гареева в курс дела, и полковник убедился, что действительно толку от допросов не было. Ни имени, ни того, зачем и к кому ездил связной в Хедар. Гареев, слушая, брезгливо морщился, так что офицеры поневоле чувствовали себя школьниками, не выучившими урок.

Наконец Гареев сказал со вздохом:

– Ваш человек, сопровождавший нас с аэродрома, прав, предполагая, что есть связь между этим связным и парадом в Хедаре. Однако времени остается в обрез. Если он не заговорит, а во время парада произойдет нечто незапланированное – ваше дело плохо.

Хомутов переводил, глядя в лица этих людей. Они отчаянно нервничали и трусили. Их не надо было пугать, они и без того знали: если время будет потеряно, расправы не миновать. Гареев тоже почувствовал состояние своих собеседников, оборвал себя на полуслове, проговорил раздраженно:

– Давайте его сюда. Ведите допрос, а я пока послушаю.

Он повернулся к Хомутову:

– Сядь позади меня. Будешь переводить.

Снова ввели человека с белым лицом, усадили на стул. Гареев с Хомутовым устроились возле стены, словно происходившее их не касалось. Начался допрос. Хомутов переводил вполголоса, Гареев сидел истукан-истуканом, никак не реагируя на происходящее. Видно было, что все это повторялось уже тысячу раз: следователь спрашивал, арестованный отвечал – или не отвечал – и все это им уже осточертело. Да, ехал из Хедара. На рынок ездил. Документы поддельные, с этим не спорит. В прошлом году нашел на улице чистый бланк, хотел отнести в полицию, да вот сгруппил, оставил, внес свое имя. Прежние? Потерял, думал – пусть хоть какие-то будут. Ложь? Ничего не может добавить. Все именно так и было. Джавад даже руками развел, оборотаясь к Гарееву.

Только теперь, когда угол освещения изменился, Хомутов вдруг понял, почему у этого человека такое лицо. На нем лежал слой пудры. Оно было не белое, а синее, сплошной крово-

подтек. А пудра – чтобы гостей из Хедара не пугать. Хомутов взглянул на Гареева – заметил ли тот, но лицо полковника по-прежнему ничего не выражало. Гареев молчал, и лишь спустя полчаса негромко проговорил, так, что его услышал только Хомутов:

– Он так и будет ваньку валять. Бесполезно.

Повернувшись к Хомутову, он сказал:

– Переведи им – пусть уведут арестованного.

Когда его просьбу выполнили, полковник встал, прошелся по кабинету, глубоко заложив руки в карманы и разглядывая носки ботинок. Наконец, выдержав тягучую паузу, он сказал:

– Очень непростой парень. Далеко не мелочь, не обычный курьер. Пользы от вашей обработки не было. – Хомутов перевел. – Может, ему показательный расстрел устроить, а? – продолжал Гареев.

Остановился у окна, обвел взглядом присутствующих, ожидая, пока Хомутов переведет фразу до конца.

– У вас есть приговоренный, который дожидается исполнения?

Люди из спецслужбы переглянулись, один из них кивнул.

– Вот и хорошо, – сказал Гареев ровно. – Вот его и шлепнем, прямо сейчас, не откладывая. На глазах у парнишки. С этим не будет проблем?

Хомутов почувствовал, как сжимается сердце. Где-то в этом здании находится человек, приговоренный к смерти. Приговоренный еще неделю или, возможно, месяц назад. Жил, зная уже, что умрет, но дни шли, и надежда росла, и вдруг явился из Хедара какой-то начальник, мгновение – и судьба приговоренного решена.

– Ну?! – голос Гареева звучал требовательно. – Чего молчишь? Переведи им.

Хомутов стал торопливо переводить, глотая слова и чувствуя, как скисает, как разъедает его отвратительный страх. В это мгновение он впервые увидел Гареева по-иному. Он и раньше побаивался полковника, справедливо полагая, что этот человек опасен для него, Хомутова, потому что владеет всей информацией о нем и, следовательно, властен над его положением по службе. Но сейчас ему открылась иная истина: Гареев из тех, кому дано право распоряжаться чужими жизнями. Следовало всячески избегать даже нечаянной близости к этому человеку.

Дальше все делалось уже без него. Те двое, что допрашивали арестованного, вышли, оставив их с Гареевым. Полковник стоял у окна, разглядывая пыльный двор, а Хомутов сидел на стуле, опасаясь пошевелиться или вздохнуть и чувствуя, как сбегает по спине струйки холодного пота. Офицеры вернулись через четверть часа, один из них сказал:

– Готово, можно идти.

Хомутов перевел, глядя на Гареева с тревогой, почти с мольбой. Он надеялся, что ему будет позволено остаться, но полковник бросил через плечо:

– Ты понадобишься, – и уже в коридоре, взглянув в лицо Хомутову, засмеялся сухим смешком:

– Жутко, да? Ничего страшного нет. Тебе, кстати, небесполезно взглянуть.

От этих слов у Хомутова ноги подкосились.

Спустились в подвал, здесь горели такие же сильные лампы, как и наверху, тянулись такие же ряды дверей. Провожатый открыл одну, и они вошли. Помещение довольно просторное, но без единого окна, мебели никакой. Справа, в углу, все тот же арестованный с белым лицом.

Гареев, увлекая за собой Хомутова, прошел вдоль стены, встал рядом с арестованным, вполоборота к нему, и тут открылась другая дверь, вошел какой-то человек, следом за ним еще двое, и Хомутов понял, что этот, вошедший первым, и есть приговоренный. Едва он успел об этом подумать, как приговоренного ловко и заученно поставили на колени, вынудив опустить голову, словно для того, чтобы он получше рассмотрел, чист ли пол в камере, и один из конвоиров выстрелил в затылок несчастного из пистолета, внезапно оказавшегося у него в руке.

Выстрел прозвучал оглушительно, все непроизвольно вздрогнули. Тело казненного повалилось лицом вниз, по нему прошла короткая волна судороги, а колени подтянулись к животу, словно ему внезапно стало холодно. В мертвой тишине, когда Хомутов уже решил, что больше не выдержит, упадет от внезапно навалившейся слабости, Гареев проговорил вполголоса:

– А теперь – ты.

Хомутов обернулся и увидел, что Гареев смотрит на арестованного. Тот понял, кажется, переводить и не требовалось: охранники разом шагнули к нему, рванули ставшее ватным тело, поставили на колени рядом с трупом, и когда голову его пригнули – вышло так, что он смотрит в лицо казненного.

Гареев приблизился и жестко сказал:

– У тебя минута, чтобы решить.

Один из конвоиров упер ствол пистолета в затылок Джавада. Хомутов поспешно перевел, словно опасаясь, что не успеет, и этого человека расстреляют прежде, чем он донесет до него смысл сказанного – не все потеряно, можно остаться жить, но только следует быть сговорчивее. В камере снова повисла тишина. Джавад молчал, и когда тишина стала совершенно невыносимой, Гареев в бешенстве ударил стоящего на коленях человека носком башмака под ребра и выкрикнул:

– Идиот! Да из тебя жилы по нитке вырвут, если не расколешься! – Он повернулся и бросился прочь из камеры. Хомутов поспешил за ним, не успев даже толком перевести слова полковника.

7

Джавада Хомутов больше не видел. Гареев распорядился поместить переводчика в отдельном кабинете, и Хомутов быстро сообразил, для чего это сделано: Джавада пытали, и Гареев не хотел, чтобы Хомутов при этом присутствовал. Человек из другого ведомства, вернется в городок, начнет болтать о том, что видел в Мергеши. Когда понадобится – вызовут.

Однако с Джавадом ничего не выходило, это Хомутов видел по Гарееву. Тот время от времени заходил в кабинет мрачный, отрывисто бросал переводчику:

– Переведи им...

Разговор всякий раз был один и тот же. Следовательно разводил руками, его усатое лицо казалось скорбным, полковник же требовал еще и еще поднажать. Тот в ответ кивал, и они с Гареевым удалялись, снова оставляя Хомутова в одиночестве.

Когда за окном уже начало темнеть, появился раздосадованный Гареев, бросил отрывисто:

– Едем ночевать! Пусть сами возятся.

По его лицу было видно, что он безмерно утомлен.

Везли их через весь Мергеши – плоский, утопающий в красной пыли городок. Хомутов опустошенно смотрел в окно. Однако и денек выдался! Он с удовольствием надрался бы сейчас до свинячьего визгу, если бы был у себя в посольском городке, а не здесь. Машина остановилась где-то на окраине. За высоким забором под деревьями прятался небольшой белый дом. Было сумрачно и прохладно.

– Здесь вы сможете отдохнуть, – сказал провожатый, отворив дверь и щелкнув выключателем.

В доме почти не было мебели. Невысокий круглый столик, холодильник, телевизор в углу. Пол устлан коврами.

– Спальня в соседнем помещении, – добавил провожатый. – Там есть кровати. Туалет и душ – за этой дверью.

Хомутов его почти не слушал, очарованный видом холодильника – только сейчас он вспомнил, что не ел с самого утра. Джебраец перехватил его взгляд.

– Сейчас вас накормят, я распорядился.

Он подошел к холодильнику, распахнул дверцу:

– Это все в вашем распоряжении.

Гареев хмыкнул, разглядев содержимое. Холодильник был под завязку набит спиртным.

Дверь бесшумно отворилась, и угрюмый молодой джебраец внес в комнату огромный поднос, уставленный дымящимися блюдами, водрузил его на столик и так же бесшумно исчез.

– Садись с нами, – предложил полковник провожатому.

Хомутов перевел.

– Благодарю. Работа.

– Ну, ступай, – махнул Гареев, и когда джебраец вышел, прикрыв за собой дверь, насмешливо буркнул: – Работа у него, видите ли! Врет, подлец. Боится, как бы не вышло чего.

Он склонился над подносом, вдохнул ароматный пар.

– Недурно! А, Хомутов? Ты чего стоишь истуканом? Мой руки, садись.

Когда Хомутов вернулся в комнату, Гареев уже восседал перед столиком, скрестив ноги, и разливал виски из бутылки темного стекла.

– Давай-давай, – сказал полковник. – Расслабимся немного...

Выпили торопливо и тут же налили по второй. Хомутов смотрел на руку полковника, крепкую, с голубоватой сеткой вен. Он боялся Гареева настолько, что не смел посмотреть ему в глаза.

– Ты чего смурной? – спросил Гареев, но неприязни в его голосе Хомутов не уловил. Виски начинало действовать, и напряжение дня уходило.

– Да нет, все нормально, – сказал Хомутов торопливо. Ему сейчас хотелось одного – оказаться в посольском городке, и чтобы Люда была рядом.

– Ты как переводчиком-то стал? – спросил вдруг Гареев.

– Институт закончил, сначала преподавал в школе, потом в университете. Предложили поработать за границей на нефтепромыслах.

– А теперь, значит, при посольстве? Понятно, – протянул Гареев. – Нравится в Джебрае?

– Ничего. Жить вполне можно.

– «Ничего»! – полковник ухмыльнулся. – А сам зубами за Джебрай держишься.

– Это не совсем так. Просто...

– Что – просто?

– Мне и ехать, в общем, некуда.

– Квартиры нет в Союзе, что ли?

– Есть, однокомнатная. Но меня там никто не ждет. Ну, вернусь я – и что? Снова университет, опять сто пятьдесят в месяц... Мне всего сорок с хвостиком. Почему бы и не поработать здесь?

Хомутов вдруг поймал себя на странной интонации – словно он упрасивает Гареева смириться, дать возможность остаться в Хедаре. Поднял глаза – полковник смотрел на него, не видя, погруженный в себя. Минуту спустя словно всплыл на поверхность, негромко проговорил:

– А хоть и сто пятьдесят. Все так живут. Или тебе шмотки дороже?

– Вы не так меня поняли, – заспешил Хомутов. – Я о другом. Здесь у меня работа по душе, люди вокруг прекрасные...

Он не договорил, потому что Гареев плеснул в стаканы и перебил на полуслове:

– Вот за людей и выпьем. Люди у нас замечательные, Хомутов. В основном. Но случаются и подонки. Предатели, перебежчики всякие. С ними у нас разговор короткий.

Гареев описал окружность вокруг мускулистой шеи, изображая петлю, щелкнул пальцами нетрезво подмигнул:

– Как с Пеньковским. Слыхал о таком?

– Слыхал, кажется, – неуверенно сказал Хомутов. – Это которого расстреляли?

– Ну, не то чтобы расстреляли. Пеньковского сожгли в печи. Живьем. За то, что предал. Хомутов вскинул голову и наткнулся на ледышки гареевских глаз. Сердце Хомутова сжалось.

– Вот так-то, – резюмировал Гареев.

– Живьем? – переспросил Хомутов.

Он все еще не мог поверить.

Гареев отвалился на ковер, опираясь на локоть. Сейчас он походил на шейха, утомленного полуденным зноем.

– Разумеется, – подтвердил полковник. – Он, падла, на две разведки работал: на американцев и англичан. А знал много. Что ж, заслужил – получи.

Поймав растерянный взгляд собеседника, Гареев расхохотался. И вдруг Хомутов понял, что полковник и сейчас при деле. Работает. Ведет профилактику. А точнее – просто запугивает его, Хомутова.

– Ладно, будем ложиться, – Гареев сладко потянулся. – Завтра все сначала. Крепкий у нас подопечный.

Он еще не знал, что Джавада уже нет в живых. Часом раньше его увели из кабинета, потому что люди, которые работали с ним, устали и нуждались в передышке. В самом конце длинного коридора, перед поворотом на лестницу, дверь одного из помещений открылась. Джавад повернул голову и увидел за спиной того, кто вышел из небольшого кабинета, в глубине, окно без решетки, и понял, что это его последний шанс. То, что пришлось пережить за последние дни, не имеет конца. Страдания прекратятся только тогда, когда он сам сумеет их прервать.

Джавад рванулся через дверной проем к окну, остановить его не успели, брызнуло стекло. Головой вперед он вывалился с высоты третьего этажа, заломив связанные руки, и увидел, как навстречу ему стремительно бросился пыльный асфальт двора.

Тюремный врач только развел руками.

8

В группу, которая, в соответствии с замыслом Абдула, должна была совершить покушение на президента, входили кроме самого Абдула еще двое: торговец Хусейн и студентка Амира.

С Хусейном Абдул служил в армии, они дружили, не подозревая, однако, что через много лет судьба снова сведет их вместе. Амиру Абдул знал еще малышкой, она выросла у него на глазах. И когда на севере зашевелились повстанцы и Фархад из героя-освободителя превратился в изменника, судьбы этих трех людей сплелись, объединенные общей целью. Абдул среди них был признанным лидером – и по жизненному опыту, и по характеру. Именно он разрабатывал план покушения и добывал оружие. Ни Хусейн, ни Амира не знали всех деталей, но готовы были в любой момент начать действовать. В один из вечеров Абдул пригласил их к себе. Был он хмур и малоразговорчив, потому что Джавад, отправившийся на север, исчез и от него не было никаких известий, что сильно тревожило Абдула. Несколько дней он выжидал, но вскоре понял, что теряет драгоценное время – до парада, в котором Фархад непременно примет участие, оставалось совсем немного. Все могло сорваться.

Абдул встретил гостей у порога. Хусейн и Амира были явно взволнованы.

– Время пришло, – коротко сказал Абдул. Он включил видеомagniтофон. На экране поплыла панорама площади перед президентским дворцом. Солдаты маршировали, напряженно вывернув головы в сторону трибуны, откуда президент Фархад приветствовал верные ему части.

– Через две недели – очередной парад. Есть всего лишь один шанс добраться до предателя.

На площадь на экране тем временем выкатились танки. Но Амира и Хусейн не видели ничего – только то, что сейчас говорил Абдул, имело для них значение.

– Каждый из нас должен сделать свою часть работы, – продолжал Абдул. – Как пальцы в руке, сжимающей меч, который поразит предателя. Аллах да поможет нам.

Он коснулся пульта, и изображение на экране замерло. Хусейн и Амира одновременно обернулись. В их глазах читалось невероятное напряжение, но страха там Абдул не увидел.

– Предатель знает, что приговорен, и принимает меры. Он окружил себя сворой своих псов, но нет людей неуязвимых. Волею Аллаха я нашел способ добраться до него. Смотрите – между этими домами есть проход, почти щель, – он указал на экран. – Мы с Хусейном появимся оттуда в нужный момент и ударим из гранатомета по трибуне. Амира останется ждать нас в машине. После выстрела начнется паника, и у нас будет немного времени, чтобы успеть скрыться.

– А где мы добудем гранатомет? – осведомился Хусейн.

– Оружие готово и ждет нас в надежном месте.

Гранатометы – целых четыре – Абдулу доставили с севера еще полтора месяца назад. Перед этим он провел десять месяцев в горах в окрестностях Мергеши, где на секретной базе повстанцев прошел обучение приемам стрельбы.

Хусейн рывком поднялся со своего места и обнял Абдула.

– Наконец-то! Как давно я ждал этого дня...

Абдул потрепал товарища по плечу.

– Рано или поздно, это должно было произойти.

Немного позже, когда солнце уже скатилось за крыши домов, они отправились в центр Хедара. Абдул сознательно выбрал для осмотра площади перед дворцом именно это время: жара спала, народ высыпал на улицы, в толпе легко было затеряться. Шли молча, только однажды Абдул спросил Амиру:

– Как дела в университет?

Он пытался хоть немного снять напряжение, в котором находилась девушка. Амира пожалала плечами.

– Какие дела? Все нормально.

Она завершила четыре семестра, но Абдул сомневался, что девушке удастся окончить курс. Вторая, тайная жизнь, постепенно заслоняла все остальное. И если – да будет это угодно Аллаху – планируемое покушение удастся, Амире придется бежать из Джебрая, потому что иначе не уцелеть, служба безопасности отыщет даже в самом далеком кишлаке.

До площади оставалось совсем немного, Абдул замедлил шаг.

– По этой улице мы подъедем к самой площади, – сказал он, указывая в тесный переулок.

– Но там нет сквозного проезда! – с сомнением покачал головой Хусейн.

– Верно. Но именно это нам на руку. Они не ждут удара отсюда, а это значит, что мы можем рассчитывать на внезапность.

Абдул увлек товарищей за собой. Переулок был безлюден. Где-то в отдалении, наверное, за президентским дворцом, зазвучал с минарета голос муэдзина, призывающий правоверных к вечерней молитве.

– Здесь, – сказал Абдул. – За этой стеной – небольшой дворик, а сразу за ним – площадь. Мы поставим машину прямо у стены, вдвоем с Хусейном переберемся на ту сторону, а Амира останется. Появляемся из укрытия, выпускаем ракету и – назад...

– Выглядит неплохо, – улыбнулся Хусейн, скрывая дрожь волнения. – Может быть, попробуем сейчас перебраться на ту сторону? Посмотрим, насколько это легко и сколько займет времени.

Абдул пожал плечами и огляделся по сторонам. Вокруг не было ни души.

– Что ж, – сказал он, мгновение поколебавшись. – Я пойду первым. Если все будет спокойно, тогда переберешься и ты.

– А я? – спросила Амира.

– Ты останешься здесь.

Одним движением Абдул перемахнул стену. Хусейн в ожидании нетерпеливо переминался с ноги на ногу, когда из-за стены неожиданно донесся какой-то шум. Хусейн и Амира переглянулись.

– Я посмотрю, что происходит, – сказал Хусейн.

Он подтянулся, заглянул за стену и сейчас же спрыгнул на землю, пригнулся, схватил Амиру за руку и потащил прочь.

– Что случилось? – воскликнула в растерянности Амира.

– Солдаты! – выдохнул Хусейн.

Они уже были у выхода из переулка.

– А Абдул?

– Я не заметил его там, не успел разглядеть...

Едва Хусейн успел это выговорить, за их спинами, за стеной, щелкнули два выстрела.

Хусейн и Амира молча переглянулись. Они подумали в этот миг об одном и том же.

9

Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза в мягких домашних туфлях и шелковой цветастой пижаме восседал в шезлонге, укрытом в тени деревьев. Здесь, на загородной даче, престарелый Генсек проводил почти все время, остававшееся свободным от медицинских процедур. В Кремле он теперь появлялся совсем редко, и даже заседания Политбюро иной раз предлагал провести за городом – не приходилось расходовать силы на утомительную дорогу в Москву и обратно.

Силы уже оставляли старика. Теперь он почти не мог самостоятельно читать, просил прочесть редакционную статью «Правды» кого-нибудь из охранников, и под мерный голос читающего задремывал, уронив голову на грудь. Его старались не тревожить в такие минуты, и должно было произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы помощник решился его разбудить.

В этот день таким экстраординарным событием стал приезд председателя КГБ. О встрече не было предварительной договоренности, поэтому начальник охраны Генсека, помявшись, сказал чуть виновато:

– Товарищ Генеральный секретарь отдыхает. Прикажете разбудить?

– Не стоит, – покачал головой шеф госбезопасности. – Я подожду.

И демонстративно взглянул на часы. Начальник охраны, мгновение поразмыслив, отправился в парк. Вернулся он, однако, на удивление быстро коротко сообщил:

– Вас ждут.

Шеф обнаружил Генерального в шезлонге – все в той же пижаме, с розовым со сна лицом.

– Рад видеть, давненько, – прохрипел Генеральный.

Он не стал подниматься навстречу гостю, и тот понял, что последние сведения о состоянии Генсека – чистая правда. Но мысль эта никак не отразилась на его лице. Он деловито поздоровался и опустился в шезлонг напротив.

– Что-нибудь серьезное? – спросил Генеральный.

В последнее время он не переносил плохих новостей, и окружающие, зная об этом, старались не беспокоить его лишним раз.

– Нет, все в норме. – Шеф изобразил на лице благодушие. – Текущие дела. Хотел посоветоваться, прежде чем выносить вопросы на Политбюро.

Генеральный кивнул, посмотрел, прищурясь, в глубь аллеи. Липы уже роняли жухлый лист, обещая раннюю осень. Прежде он любил эту пору, но теперь осень тревожила и раздражала его – как напоминание о том, что и он вступил в возраст увядания, за которым следует зима, то есть ничто, то есть – смерть. Генеральный вздохнул и повернулся к Шефу.

– Ну, рассказывай. Что там у тебя?

– По поступающим из Джебрая шифrogramмам, обстановка там накаляется. Американцы перебросили повстанцам, орудующим на севере страны, несколько крупных партий оружия. В том числе, по пока еще неподтвержденным данным, бронетехнику.

Генеральный с тревогой посмотрел на собеседника.

– Данные уточняются, – добавил Шеф поспешно. – Но в целом картина вырисовывается достаточно отчетливо. Скорее всего, в ближайшие месяцы следует ожидать резкой активизации боевых действий. Повстанцы наверняка предпримут поход на столицу.

– А что же президент Фархад?

– Он располагает информацией о грозящей опасности. И всячески старается воспрепятствовать такому развитию событий. На север переброшены дополнительные части, но им катастрофически недостает современных средств ведения войны.

– Так...

– Из Хедара поступают сигналы о том, что президент Фархад рассчитывает получить ощутимую помощь со стороны Советского Союза.

Генеральный поморщился. Шеф отлично знал, что это значит. Старик больше всего на свете боится втянуться в новый конфликт. Два месяца назад, впрочем, по иному поводу, Генеральный сказал, едва сдерживая досаду: «Вы что же, хотите получить еще один Афганистан?» Шеф эти слова запомнил, и сейчас был готов возразить.

– Мы ничем не рискуем, – сухо проговорил он. – Боевые машины пехоты, транспортеры, десяток-другой танков – только и всего. – Он взглянул Генеральному в глаза. – А уж как там они всем этим распорядятся – внутреннее дело Джебрая.

Старик удовлетворенно кивнул.

– Какие будут предложения?

– Во-первых, обсудить вопрос на Политбюро...

Генеральный поморщился, и Шеф оборвал фразу на взлете.

– Ты погоди пока с Политбюро. Выясни сначала, чего, собственно, Фархад хочет. Совершенно конкретно: количество, номенклатура. Не мешало бы также тебе с ним встретиться лично, а?

Старик так загорелся этой мыслью, что даже подался вперед.

– Там, на месте, и разберешься, что к чему. Обстановка, сам говоришь, горячая.

Шеф согласно опустил веки.

– Рабочий визит без лишнего шума, – продолжал Генеральный. – Ну а затем доложишь на Политбюро и сформулируешь предложения.

Довольный, он блаженно откинулся в шезлонге.

– Что ж, у меня все. Я могу быть свободен?

– Конечно, ступай.

Распрошавшись, Шеф зашагал по аллее. И только когда его фигура скрылась за поворотом, старик с изумлением обнаружил, что тот приезжал только из-за этой чепухи с Джебраем. «Ох, хитер, – подумал Генеральный. – Что там они затевают с этим Фархадом?»

Он размышлял об этом еще добрых пять минут, пока, утомившись, не уснул.

10

– Я тебя никуда не отпущу, – заявила Людмила, обнимая Хомутова. – Не имеют они права разлучать нас.

Приподнявшись на локте, она заглянула Хомутову в глаза:

– Ну скажи, ведь они не отправят тебя в Союз?

– Не знаю.

Хотя он-то знал. Какое там, конечно, отправят. Еще в Мергеша, во время их пьяного разговора с Гареевым, он это осознал отчетливо. Полковник ничего не сказал в открытую, но глаза его выдавали.

– Пусть даже и отправят, – сказал, помолчав, Хомутов. – Что с того? Живы будем – не помрем. Мне Уланов как-то рассказывал...

– Не напоминай ты мне о нем, – нахмурилась Людмила.

– Это почему же? – поразился Хомутов.

– Какой-то он...

Она замялась, потянула к себе простыню, которой они укрывались, словно ей стало зябко.

– Неважный он человек. Не знаю...

– Но почему ты решила?..

Тем не менее отношения с Улановым и у него что-то расстроились. Дима дулся на него из-за Людмилы, но Хомутов смотрел на это как на пустое недоразумение. Пройдет время, и все наладится.

– Он скверно думает обо мне. Будто в чем-то подозревает.

– А, вот ты о чем. Ерунда. Просто поначалу он тебя за «чекистку» принял.

– За чекистку? – на лице Людмилы было изумление. – Так он решил, что я на гэбэ работаю?

Хомутов захохотал.

– Ты не поняла. Здесь «чекистками» называют тех, которые с мужиками спят за чеки. Скромная посольская машинисточка возвращается в Москву и скупает разом половину «Березки». Такие дела.

Хомутов повернулся к Люде и осекся. Лицо ее было словно опрокинутое – он никогда еще не видел ее такой.

– Сволочь! – сказала она сквозь зубы.

– Кто? – опешил Хомутов.

– Твой приятель. Тварь.

– Ты зря так, – попытался вступить Хомутов. – При чем тут он?

– Ни при чем?! – сверкнула глазами Людмила. – Тот, кто готов думать о каждой женщине...

– Что именно?

– Что она продается, что готова...

– А чего ты кипятишься? – Хомутов ощутил, как волной накатывает раздражение, которого он уже не мог сдержать. – Между прочим, в моей постели ты оказалась в первый же вечер.

Ему не следовало этого говорить, но сейчас смешалось все – отвратительный осадок, оставшийся от разговора с Гареевым в Мергеша, косые взгляды Уланова, просто какая-то смутная тоска. Он выплеснул злость – а Люда оказалась под рукой. Иди разбери теперь, кто виноват.

Щеки Людмилы горели от унижения, но ее еще хватило на то, чтобы вlepить Хомутову пощечину.

– Ты такая же дрянь! – задохнулась она, стремительно выскользнула из-под простыни и стала одеваться, поминутно роняя вещи.

– Уж извините, – миролюбиво сказал Хомутов. – Кто мог предположить, что под этим кровом объявится столь высоконравственная особа?

Сейчас он злился только на себя. Но Людмила молчаливо собиралась, не удостоивая его ответом, и тогда, словно назло себе, Хомутов ткнул пальцем в облупленный дверной косяк и проговорил с нехорошей усмешкой:

– Не стоит переоценивать себя, Люда. Не ты первая здесь, не ты и последняя. Видишь отметины? Каждая из них – след дамы, побывавшей в этой постели. А значит, после твоего ухода ничего в моей жизни не изменится. Меткой больше, меткой меньше.

Зарубок было много – десятка полтора, Людмила не могла разглядеть, потому что слезы застилали ей глаза и она боялась, что расплачется прежде, чем окажется на лестнице. Наконец она выбежала из квартиры Хомутова, хлопнув дверью.

Он опрокинулся на диван, накрыл голову подушкой и долго лежал без движения. Потом отшвырнул подушку и пробормотал удрученно:

– Нормальный конец. С другом рассорился из-за бабы. С бабой рассорился из-за друга. А в итоге – ноль.

Если бы у него была собака или кошка на худой конец, – он бы знал, кому пожаловаться на жизнь. Но он был совершенно один.

11

В тот день, когда он необъяснимо исчез, перебравшись через забор, Абдул не погиб. Не ему предназначались два выстрела, которые, убегая, слышали Хусейн и Амира.

Двор, в котором очутился Абдул был пуст. Он уже готовился подать условный сигнал Хусейну, когда из-за угла неожиданно вышли три солдата. Абдул попятился, но бежать было некуда. Солдаты повалили его на землю, обыскали и, не обнаружив ничего, передали людям в штатском, которые вывели Абдула из переуллка на площадь перед президентским дворцом и втолкнули в машину, сейчас же рванувшуюся с места.

Солдаты все еще оставались во двореике. Одному из них показалось, что над стеной возникла чья-то голова – это был Хусейн. Для острстки он выстрелил пару раз поверх гребня стены – и успокоился.

Абдул, пока его везли, смог обдумать положение, в котором оказался. Было ясно, что он стал жертвой нелепой случайности. Близился вечер, и президент Фархад, по-видимому, покинул дворец, чтобы укрыться в одной из многочисленных резиденций. Служба безопасности и патрули президентской гвардии прочесывали прилегающие кварталы – с ними и столкнулся Абдул. Когда он понял это, то почти успокоился, оставалось только придумать правдоподобное объяснение своему появлению в окрестностях площади.

Допрос начался, едва они оказались в здании службы безопасности. Следовательно, пожилой и крайне утомленный, имел вкрадчивый и мягкий голос, однако от него исходила совершенно явственная угроза. Абдул это чувствовал кожей и отвечал осторожно, но и не раздумывая.

Да, он житель столицы. Адрес? Извольте. Абдул продиктовал, следовательно записал. Где работает? В своем квартале, в мастерской Лати. Профессия – жестянщик. Что делал в переулке рядом с площадью? Да на кой ему площадь, он домой возвращался, так ближе. Только собрался через стену перемахнуть – солдаты. Испугался, думал бить будут, но нет, хорошие парни, закон уважают. Обыскали только. Он арестован, да? А за что, господин следователь? Задав вопрос,

Абдул прямо взглянул на допрашивавшего его человека, и взгляд его был невозмутимо-честен. Он знал, что против него у них ничего нет. Ни единой улики. И следовательно это тоже знал, как знал и то, что этот чернобородый мог оказаться в переулке неспроста. Тем не менее он сдержанно, но доброжелательно улыбнулся и негромко сказал:

– Это не арест. Вас задержали для выяснения обстоятельств.

Он задавал вопросы еще около часа, после чего Абдула поместили в камеру, где уже находилось около десятка человек, как бы и не заметивших его появления. Кое-кто повернул голову, когда он вошел, но и те почти сразу потеряли к нему интерес. Здесь каждый был сам по себе. Ни на следующий день, ни спустя двое суток Абдул так и не поговорил ни с кем. Казалось, его просто игнорируют. Впрочем, он слишком был занят собственными мыслями.

Нелепая случайность, происшедшая с ним, поставила крест на плане покушения, который он вынашивал в последние месяцы. Времени не оставалось, и никто, кроме Абдула, не мог запустить механизм покушения. Ни деталей плана, ни местонахождения тайника с оружием – ничего этого не знали Амира и Хусейн. Абдул был мотором дела – и именно его вывели из игры. Он заплакал бы от отчаяния, кусая кулаки, если бы умел плакать.

Во время дневных прогулок, вымеряя шагами тюремный двор в толпе таких же, как он, арестантов, Абдул поднимал голову и смотрел в небо. Оно было синим, без единого облака, и бездонным. Он глубоко втягивал воздух, зажимившись, потому что начинала кружиться голова, а когда открывал глаза, видел вокруг все те же тюремные стены – грязные, в паутине трещин. С северной стороны стена была покрыта заплатами свежей глины – неведомые мастера латали трещины и щели в те часы, когда здесь не было заключенных. Иной раз и под ноги попадался ком сырой глины, смешанной с соломой.

На допросы его брали дважды в день, всякий раз примерно на час, но вопросы следователя бесконечно повторялись, не было ни одного нового. Абдул догадывался, что следствие топчется на месте, и в какой-то момент даже решил, что вскоре его выпустят, но почти сразу же радость сменилась слепой яростью – это может случиться слишком поздно, и ничего нельзя будет сделать.

Ему хотелось поторопить события, он подолгу размышлял о том, что можно предпринять для этого, но ничего придумать не мог, пока в один из дней, прогуливаясь по тюремному двору, не наткнулся взглядом в очередной раз на комья свежей глины.

Тут-то его и осенило. Мысль, конечно, была не из самых блестящих, но выбирать не приходилось. Вечером, выпросив у соседа по камере огрызок карандаша, он нацарапал на обрывке сигаретной пачки короткое послание. Записку спрятал, а на следующий день, во время прогулки, поднял с земли влажный комочек глины и вдавил в него край записки так, чтобы большая ее часть оставалась видна. Затем, набрав еще комков, он принялся шутливо бросать их в товарищей по несчастью – словно приглашая к игре. Идею оценили, и через несколько минут арестанты, разбившись на две партии, осыпали друг друга глиняными шариками, по-детски радуясь, когда удавалось попасть в противника. Один из комков, посланный рукой Абдула, словно невзначай перелетел через тюремную стену и упал в дорожную пыль, под ноги случайному прохожему. Тот, увидев торчащий из глины лоскут бумаги, поднял комок. Записка лаконично гласила: «Прохожий! Сообщи о том, что ты нашел эту записку, по следующему адресу...»

Прохожий поднял глаза на тюремную стену. Происхождение записки не вызывало сомнений. Человек, томящийся в застенках Фархада, взывает о помощи. Он свернул записку в трубочку и спрятал под пыльным краем одежды.

С Муртазой Амира познакомилась в университетской библиотеке. Они случайно оказались за одним столом, рылись в книгах – каждый в своей, – не обращая внимания друг на друга, пока Амира не обронила карандаш. Парень, сидевший рядом, наклонился, поднял карандаш И, протягивая его Амуре, улыбнулся открытой и щедрой улыбкой.

Муртаза, как выяснилось, учился во Франции, в Джебрай прилетел погостить, повидать родителей. И, похоже, собирался здесь задержаться.

– Звание бакалавра получить я успею, – объяснил он Амуре со своей неизменной улыбкой. – Просто хочется немного продлить удовольствие. Чем дольше я буду оставаться в Париже – тем лучше.

– Почему?

– Джебрай моя родина, но мне не нравится здесь.

Они почти не касались этой темы, такие разговоры были опасны. Но близость взглядов обнаружилась сразу – и они сдружились.

Муртаза не был похож ни на кого из тех, кого Амира знала, жизнь во Франции, видимо, действительно отличалась от унылых джебрайских будней – и это наложило свой отпечаток на характер Муртазы. Он был смешлив и раскован, моментально замечал несуразности, которыми была полна здешняя жизнь и которых в упор не видела сама Амира. Для нее это были вещи само собой разумеющиеся.

Как-то, когда они собрались перейти улицу, из-за угла внезапно выскочила машина. Муртаза взял Амиру за руку, удержав ее на тротуаре, а когда машина промчалась, не отпустил, так и повел девушку через дорогу. На противоположной стороне их уже поджидал полицейский. Легонько ткнув Муртазу в живот резиновой дубинкой, он подозрительно осведомился, прищурив глаза:

– Соединены ли вы милостью Аллаха?

– Нет, мы не муж и жена, – произнесла Амира и поспешно вырвала руку из ладони ничего не понимающего Муртазы.

– В следующий раз я отведу вас в участок, – пообещал полицейский и отправился прочь, поигрывая дубинкой.

– Что все это означает? – изумился Муртаза.

– Это считается проступком. Если мужчина и женщина не являются мужем и женой...

– То они должны держаться на расстоянии не менее пяти метров друг от друга, – насмешливо закончил вместо нее Муртаза. – В Париже все иначе, юноши и девушки ходят обнявшись, а некоторые – страшно подумать – даже целуются на глазах у всех.

Амира покраснела и испуганно покосилась вслед удаляющемуся полицейскому.

Муртаза часто говорил такие вещи, которые заставляли Амиру держаться настороже. Он был безрассуден и, живя далеко от дома, потерял сдержанность суждений. Амуре приходилось временами обуздывать его порывы, втолковывая, как младенцу, что говорить подобные вещи вслух не следует, последствия могут оказаться крайне тяжелыми. Муртаза хмурился и твердил, что ему осточертела такая жизнь и скоро он уедет обратно во Францию, чтобы никогда больше сюда не возвращаться. От его слов Амира грустнела, потому что привыкла к обществу Муртазы, и ей временами казалось, что она знает его целую вечность. И все же, несмотря на искренность их отношений, была одна тема, которой Амира никогда с юношей не касалась: то, чем она жила последнее время, – их с Абдулом и Хусейном работа. Муртаза, частенько подсмеивавшийся над житейской неопытностью и наивностью девушки, немало удивился бы, наверное, если б узнал о ее другой жизни. Там, в этой жизни, президента Фархада не боялись во

весь голос называть предателем, хранили в тайниках оружие, обсуждали, как наконец покончить с кровавым деспотом, и назначали сроки.

В разговорах Амиры с Муртазой не было и намека на это, хотя он и замечал временами, как замыкается девушка, размышляя о своем, а стоит ее потревожить – вздрагивает, словно возвращаясь издалека.

С исчезновением Абдула, не имевшим объяснения, их отношения с Муртазой круто изменились. Амира перестала встречаться с юношей. Она не испугалась, нет. Но внезапно осознала, что вся их опасная работа оказалась бессмысленной, потому что без Абдула покушение стало неосуществимым. У них с Хусейном не было ни оружия, ни связей, ни детального плана. Отчаяние ее уже достигло предела, когда спозаранку к ней примчался крайне возбужденный Хусейн и возвестил, что Абдул нашелся – он в тюрьме. Какой-то человек принес записку, написанную его рукой. И записка эта найдена под тюремной стеной.

Новость эта Амиру не обрадовала, потому что Абдул, даже уцелевший, ничем не мог им помочь из тюрьмы, но Хусейн вдруг сказал странную вещь: не Абдул им, а они ему обязаны помочь. Каким образом? Да вызволить его оттуда, вот и все. Говоря об этом, он смотрел на Амиру так победоносно, будто вызволить человека из фархадского зиндана – все равно что лепешку за два динара купить.

Но Хусейн сумел-таки убедить Амиру, что побег – вещь реальная. Весь его замысел строился на том, что в тюрьме служил охранником его земляк.

Несколько дней ушло на то, чтобы этого земляка с величайшей осторожностью прощупать, когда же стало ясно, что тот не предаст, они предприняли попытку подобраться через него к Абдулу. Сначала, не раскрывая ничего, попросили парня выяснить, есть ли такой арестант и можно ли с ним связаться. Потом передали Абдулу записку, чтобы тот знал – его послание нашло адресата. Теперь пришло время открыть все земляку и умолять его о помощи. В этом они преуспели. На следующий день охранник принес план тюрьмы, не очень подробный, но и за такой слава Аллаху, и объяснил, как можно осуществить побег. Это весьма непросто, десять шансов на сотню, и тем не менее есть в этой тюрьме слабое место, которое позволяет надеяться на лучшее. У тюрьмы два двора – северный и южный. В северный заключенных выводят на прогулки, а южный используется исключительно для хозяйственных нужд. Двор этот обнесен старой глинобитной стеной, настолько ветхой, что двумя годами ранее трое заключенных, оставленных во дворе без присмотра, без труда разобрали часть стены и бежали. Чтобы избежать подобного впредь, построили новую стену, которая находится внутри старой, и уж ее-то разобрать никак невозможно, но в этой новой стене зияет проем, оставленный для металлических ворот, которые уже заказаны, но еще не установлены. Таким образом, оказаться в коридоре между новой и старой стенами довольно просто.

План, предложенный земляком-охранником, состоял в следующем. Он выведет Абдула в южный двор тюрьмы. Через проем несуществующих ворот Абдул выберется за новую стену – и тогда ему останется преодолеть старую. Время будет дорого, и поэтому здесь потребуются их, Амиры и Хусейна, помощь. Если раздобыть грузовик, то нет ничего проще, чем сдать задним ходом и продавить старую стену – она едва дышит.

Хусейн в первое мгновение не поверил, что этот план реален, но, поразмыслив, пришел к выводу, что ничего иного им не остается, а значит, следует делать то, что возможно.

Оставалось найти грузовик. Это оказалось проблемой, они перебрали всех знакомых, но результат был отрицательным. В отчаянии от того, что дни идут, а дело не движется с места, Амира бросилась к Муртазе и – о, чудо! – оказалось, что именно он может помочь. У его отца, зажиточного торговца, в гараже два грузовых автомобиля – можно воспользоваться любым, если это необходимо. Посоветовавшись с Хусейном, Амира поведала Муртазе, для чего понадобился грузовик. Юноша не оробел, хотя и показался девушке несколько взволнованным. В его словах была решимость, он заявил, что готов помочь и сам сядет за руль грузовика.

Через охранника детальный план побега передали Абдулу, а когда тот его одобрил – назначили день.

13

За минувшие пять лет служба безопасности страны пресекла пятьдесят восемь покушений на жизнь президента Фархада. Как правило, эти акции готовились не одиночками, а группами, насчитывавшими порой до двадцати членов. В общей сложности через суды военного трибунала прошло пятьсот шесть заговорщиков. Пятьсот три из них были приговорены к смерти и немедленно казнены, трое умерли в ходе следствия, не дождавшись приведения приговора в исполнение. Президент не был вполне убежден в том, что все эти люди действительно хотели лишить его жизни. Он лично знакомился с делами приговоренных и зачастую видел, что они состряпаны кое-как. Иной раз в качестве главаря террористов фигурировал некий подросток, а то бывало, что членом преступной группы именовался человек, которого уже несколько лет не было в живых. Однако, невзирая на все эти нелепости, Фархад не помиловал ни одного из приговоренных, и причиной этого был страх.

Он не мог объяснить себе, когда именно страх стал главным чувством, которое он испытывал почти постоянно. Еще будучи молодым офицером, Фархад примкнул к заговору против монарха – но тогда он не боялся, хотя и знал, что ставка в этой игре – жизнь. И позже, когда их группу раскрыли и Фархад оказался в тюрьме, он тоже не боялся. Он не испытывал страха, когда вел на штурм королевского дворца свой взвод, и даже в первые месяцы после революции, когда повсюду царили хаос, неразбериха и повальные грабежи, он спокойно ходил по темным улицам.

И только по прошествии времени он почувствовал, что боится. Своих прежних соратников: кто знает – не захочет ли один из них возвыситься, и тогда посыплются головы: и его, Фархада, в том числе. Людей на улицах, потому что из них, этих безликих и ничего не значащих одиночек, может в одночасье вырасти грозно ревуший зверь, имя которому – толпа...

Страх становился настолько силен, что Фархад уже не мог с ним жить, и единственным выходом оставалось – избавиться от причины, его вызывающей. Никто и опомниться не успел, когда в течение одного дня были арестованы и казнены бывшие соратники президента Фархада, якобы готовившие переворот, и лишь благодаря прозорливости и бдительности самого президента катастрофа была предотвращена. Такова была официальная версия.

Спустя несколько месяцев рядом с ним не оставалось ни одного из тех, кто совершил революцию. Их уже и не вспоминали, Фархад был провозглашен отцом нации, и его портреты заполнили витрины и стены домов. Но спокойствия не было. Его земляки, трижды проклятые северяне, восстали против законной власти, и Фархад провел немало бессонных ночей, прежде чем погасить пламя мятежа. Однако под пеплом остался огонь. Фархад кожей чувствовал близкую опасность, она бродила рядом, спала с ним, и потому-то он был так жесток к тем, кого служба безопасности арестовывала по малейшему подозрению. Выказав милосердие, он рисковал отпустить на свободу настоящего злодея.

Фархад размышлял об этом, рассеянно слушая доклад министра обороны – полковника Бахира. Министр отвечал за подготовку военного парада – не было для него дела важнее – и сейчас излагал суть возникших проблем. Президент время от времени кивал, давая понять, что согласен с действиями полковника, чувствуя при этом, как поднимается внутри волна слепого раздражения. Было и еще какое-то чувство, очень знакомое. Неужели снова страх?

Он оторвал наконец взгляд от полного, досиня выбритого лица Бахира и отвернулся к окну. В последнее время министр все больше беспокоил президента. Фархад сам его выдвинул, поскольку полковник был из южан (своим северянам президент уже давно не доверял), полагая, что Бахир станет его опорой. И тот лез из кожи, чтобы продемонстрировать свою предан-

ность. И все же было нечто в повадках Бахира, что колебало веру президента. Пустые мелочи – словечко, жест, взгляд, – но они копились и копились, пока в один из дней Фархад, проснувшись, не осознал того, что помимо своей воли взрастил сильного соперника, и не соперника даже, а собственного палача. Вырвав, словно сорную траву, из своего окружения земляков, Фархад развязал Бахиру руки, и тот без промедления повсюду посадил своих людей, причем так, что Фархад оказался как бы в вакууме. Отныне все концы сходились к Бахиру – и армия, и служба безопасности, и разведка. Фархад с ужасом обнаружил, что положение его крайне неустойчиво. Стоит Бахиру пошевелить пальцем, и президент падет, и спасает его лишь то, что полковник все еще не решается сделать последний шаг. Однако достаточно Фархаду однажды ошибиться, и Бахир не упустит свой шанс.

Два месяца назад он получил сообщение о том, что по приказу Бахира создано новое подразделение, причем местом его дислокации избрана отдаленная местность, у самой южной границы, хотя в задачи подразделения входила прежде всего борьба с терроризмом. Для чего готовил Бахир этих людей? Фархад задал этот вопрос во время очередного доклада министра, но тот уклонился от прямого ответа, и тогда президент потребовал полной информации о подразделении. Бахир позвонил, и в кабинет доставили зеленую сафьяновую папку, украшенную тисненым золотым фазаном. Фархад не стал знакомиться с документами, да и ни к чему это было. Важно дать понять министру, что об этом секретном подразделении он знает, и Бахир, если и задумал худое, на время присмирееет. Папка же с документами пусть полежит в сейфе.

Фархад провел ладонью по волосам и отвернулся от окна.

Министр закончил доклад и теперь смотрел на президента выжидательно.

– Неплохо, – произнес Фархад, однако лицо его по обыкновению оставалось сумрачным. – Есть еще что-либо?

– Да, товарищ президент. Поступают сигналы о том, что в районе Мергеши неспокойно. Похоже, что кто-то готовит какую-то акцию к параду. Службой безопасности на окраине Мергеши задержан человек, возвращавшийся из Хедара. Он опознан как член террористической организации.

– Какие сведения удалось получить?

– Практически никаких.

– Вот как? – изумленно поднял бровь Фархад.

– Прозевали, – пояснил министр. – Террорист выбросился из окна и погиб.

Фархад поморщился, но промолчал.

– Кроме того, на днях в окрестностях президентского дворца задержан еще один человек – именно в то время, когда вы покидали дворец.

– При нем находилось оружие?

– Нет.

– В чем его подозревают?

– Не исключено, что он оказался рядом с дворцом с определенной целью, – ответил Бахир уклончиво.

– Надеюсь, что вы не ошибаетесь.

Эта фраза решила судьбу Абдула. Вернувшись из президентского дворца, министр позвонил в службу безопасности и поинтересовался, какие новые данные получены в ходе следствия по делу задержанного. Узнав, что ничего нового нет, он распорядился:

– От этого парня только головная боль – и никакого проку. Вы что там, не можете додуматься, как выйти из положения?

Полковник швырнул трубку на рычаг, и жуткое колесо завертелось. Вечером того же дня, явившись, чтобы сопровождать одного из сокамерников Абдула на допрос, конвоир, оглянувшись по сторонам, едва слышно сказал арестанту:

– Послушай, брат! Поменьше болтайте в камере. У вас здесь подсадной из службы безопасности.

Он сказал именно то, чему его научили в кабинете начальника тюрьмы. Арестант недоверчиво взглянул на конвоира и спросил:

– И кто же это?

– Абдул, – отвечал конвоир.

С этой минуты Абдул был обречен. Он не должен был дожить до утра.

14

Между тем побег был назначен на следующий день. Ранним утром охранник, земляк Хусейна, должен был вывести Абдула в южный двор тюрьмы, якобы на работу. Ровно в девять грузовик с внешней стороны проломит стену, Абдул прыгнет в кузов, и охраннику останется лишь открыть огонь вслед беглецу, стараясь целиться повыше, чтобы никого по случайности не задеть.

Известие о скором побеге взволновало Абдула, ночью он ворочался, не будучи в силах уснуть, так что дежуривший в коридоре надзиратель вошел в камеру и свирепо рявкнул на него.

Абдул притаился, со стороны теперь казалось, что он спит, но сон по-прежнему не шел, и он злился, не подозревая о том, что, бодрствуя, продлевает себе жизнь.

Он был приговорен сокамерниками. Приговоры здесь не оглашались, а приводились в исполнение – мгновенно и жестоко. Когда Абдул затих и мерно задышал, четверо из них, решив, что он уснул, одновременно поднялись с нар и приблизились к нему. Трое должны были удерживать Абдула, а четвертый вооружился подушкой. Дело должно было занять не более трех минут, но Абдул, одержимый мыслями о завтрашнем побеге, услышал шорох и вскочил в последний миг, когда все уже было готово к расправе. Его палачи дрогнули, и Абдулу хватило этих мгновений на то, чтобы оценить свое положение, и когда сокамерники все-таки бросились на него, уже был готов к отпору. Началась свалка, от шума вскочили остальные обитатели камеры, а спустя минуту в камеру ворвались надзиратели и, привычно орудуя дубинками, разогнали дерущихся по углам.

Абдулу изрядно досталось, лицо его было залито кровью так, что пришлось увести его к фельдшеру, который до рассвета накладывал швы. Когда его вернули в ту же камеру, сокамерники сделали вид, что ничего особенного не произошло, но по их лицам Абдул видел, что следующую ночь ему не пережить, и молил Аллаха, чтобы побег удался.

В восемь тридцать его вывели из камеры, и он увидел в коридоре тюремного охранника – того, который должен был отвести его в южный двор тюрьмы. Взглянув на лицо Абдула, охранник неодобрительно покачал головой, но промолчал и повел узника нескончаемыми коридорами. Выглядел он абсолютно невозмутимым, словно организовывать побег было для него делом привычным и необременительным, и его спокойствие в конце концов передалось Абдулу. Двор был практически пуст, и только в отдалении, у дверей кухни, копошились двое арестантов.

Охранник указал на сложенные у стены кирпичи и распорядился:

– Тащи их к кухне, и поживее.

После чего, понизив голос, добавил:

– Там, за контейнерами – проем. Ровно в девять, не ошибись!

Проема ворот Абдул не видел – пустые контейнеры его загораживали, но мысль о том, что пока все складывается удачно, его бодрила.

Он успел сделать две ходки с кирпичами от стены до кухни, когда же возвращался к стене в третий раз, заметил, что охранник стоит к нему спиной – это означало, что до девяти остаются считанные минуты.

Оглядевшись, Абдул бросился к контейнерам, до них оставалось метров двадцать, когда из-за стены донесся грохот и рев автомобильного двигателя, и Абдул понял, что все идет в соответствии с замыслом – автомобиль проломил стену. Он обогнул контейнеры и остановился как вкопанный. Отсюда он видел кузов грузовика и груды обломков старой стены, но между Абдулом и друзьями оказалась непреодолимая преграда: стальная сетка, наглухо перекрывающая проем ворот. Еще пару дней назад ее не было.

От здания тюрьмы уже бежал охранник – тот, который вывел Абдула во двор, еще один двигался со стороны кухни. Абдул озирался в отчаянии. Из кабины грузовика показалась голова Хусейна. Обнаружив неожиданное препятствие, он крикнул что было сил:

– В сторону! Уходи!

И едва Абдул успел отскочить, грузовик, сдавая назад, продавил сетку и на полкорпуса оказался в тюремном дворе. Теперь охранник, который бежал со стороны кухни, не видел Абдула, и это спасло арестанту жизнь. Абдул рывком перебросил тело через борт, машина взревела и выкатилась из проема, и только после этого запоздало захлопали выстрелы...

Они успели выбраться за город прежде, чем полиция перекрыла дороги, и на каком-то пустыре Абдул наконец-то обнял своих спасителей. Муртазу он видел впервые, но то, что этот парень сделал, было лучшей рекомендацией.

Грузовик пришлось сжечь. Муртаза смотрел на занимающийся огонь огорченно, однако потом тряхнул головой и сказал, словно отрезав:

– Пусть горит, будь он неладен.

Иначе они поступить не могли – все надлежало обставить так, будто машина из гаража его отца была угнана неизвестными.

– Не думай об этом, – сказал Абдул. – Скоро здесь такие дела начнутся.

Он счастливо рассмеялся и переглянулся с Хусейном. Теперь-то они были уверены, что предателю Фархаду остается жить считанные дни.

15

Полковник Гареев явился в рабочий кабинет посла, чтобы обсудить вопросы, связанные с ожидающимся визитом шефа госбезопасности в Джебрай. Так по крайней мере он обозначил тему беседы в телефонном разговоре. Войдя, полковник поздоровался и сел в кресло напротив посла, положив рядом с собой на край стола тонкую папочку – причем так как-то по-особому бережно, что посол понял: неслучайно она здесь появилась, есть у Гареева какой-то сюрприз – и не из приятных.

Дел, связанных с визитом Шефа, было неупрочено. Не говоря уже о том, что появление в Джебрае члена Политбюро само по себе означало, что в Москве произошло что-то значительное. Впрочем, не исключено, что сами они здесь, в Хедаре, в чем-то дали маху, и теперь, после краткого кавалерийского наскока Шефа, начнутся кадровые перестановки в дипломатической службе. Ни в чем нельзя быть уверенным в этой жизни, кроме одного – рано или поздно предстоит Агафонову коротать старость на подмосковной дачке, окучивая капусту и подрезая кусты смородины.

Полковник лишенным интонации голосом докладывал, что сделано по линии КГБ для обеспечения успеха визита. Фразы текли плавно, переходя одна в другую, наводя на посла дремоту. Он уже почти не слушал Гареева, когда тот, все тем же голосом, произнес нечто такое, отчего посол встрепенулся, мучительно ловя ускользающий смысл.

– ...Это, безусловно, серьезное упущение, тем более обидное, что я неоднократно об этом докладывал. Скорее всего, мне придется обратиться с этим вопросом непосредственно к нашему высокому гостю.

Гареев замолк, выжидательно глядя на посла. Агафонов потер ладони и пробормотал:

– И что вы предлагаете?

Он до сих пор не уловил окончательно, о чем речь, хотя и почувствовал, что Гареев готовит крупную неприятность.

Полковник раскрыл лежащую перед ним папочку – сердце посла при этом сжалось от скверного предчувствия – и продолжал так же ровно:

– Здесь оперативные разработки на этого вашего Хомутова, незаменимого переводчика. Агафонов едва удержался, чтобы не поморщиться, словно от зубной боли.

– О том, что пребывание Хомутова за рубежом противоречит целому ряду инструкций, я вам уже сообщал, – гнул свое Гареев. – Вы, однако, не реагировали на это, во всяком случае, о принятых мерах мне ничего не известно. А ведь на Хомутова у меня материальчик, Александр Викторович. Пьяница, стяжатель... Как может такой человек работать в советском загранучреждении, спрашиваю я вас?

– Что, есть факты? – встрепенулся Агафонов.

– Пожалуйста. 28 января сего года в компании с неким Улановым Д. О., пилотом Отдельного авиаотряда, в нетрезвом виде покинули территорию посольского городка и были задержаны столичной полицией. Далее. Во время организованной посольством автобусной экскурсии в город Далах Хомутов отстал от группы и приобрел в местном магазине два магнитофона марки «Панасоник». Заметьте – два!

Галеев даже палец поднял к потолку, чтобы подчеркнуть, насколько серьезно обстоит дело с Хомутовым.

– Ну, приобрел, – попытался возразить Агафонов. – И что?

Гареев сделал вид, что пропустил слова посла мимо ушей. Самое главное у него было припасено напоследок.

– И, наконец, Хомутов позволяет себе высказывания антисоветского характера.

Брови посла полезли на лоб.

– Вот как? – пробормотал он как бы в изумлении.

– Именно. Двадцатого мая, находясь в компании, Хомутов рассказывал анекдот следующего содержания...

Гареев придвинул папку поближе.

– Вот, прошу вас. Заходит Генеральный секретарь в публичный дом...

– Вы что – фиксируете подобные вещи? – еще больше изумился Агафонов. – Я не позволю читать это в моем кабинете! Прекратите немедленно!

Гареев откинулся на спинку кресла и пожал плечами – мол, вольному воля.

– Как вам будет угодно. Но картина, я полагаю, ясна.

Посол усмехнулся про себя. Это не с Хомутовым картина ясна, а с ним, с Агафоновым. Только теперь он оценил взрывную силу папочки Гареева. Не колеблясь, он подсунет ее Шефу, сопроводив комментарием. Что из этого вытекает? А то, что один только Гареев и блюдет в Джебрае интересы Советского государства вопреки небрежению посла Агафопова. Поначалу никак это на Александре Викторовиче не отразится, однако не исключено, что там, в Москве, Шеф заметит как-нибудь к случаю на Политбюро:

– Агафонов? Это тот, что послом в Джебрае? Есть информация, что с бдительностью у него неважно.

И все, ни звука больше, но эти слова упадут не в пустоту, потому что все знают – председатель КГБ никогда не говорит без причины.

Посол извлек из кармана свежий платок и вытер со лба выступивший горошинами пот. Гареев покосился на работающий кондиционер и усмехнулся про себя.

– У вас на сегодня все? – осведомился посол.

– Да, Александр Викторович.

– Благодарю вас. И вдвойне за... – Он запнулся, но потом все-таки закончил мысль: – ... За информацию, которой вы столь любезно поделились.

Гареев учтиво наклонил голову, поднялся из-за стола. Агафонову не хотелось заканчивать разговор на этой ноте, он должен был оставить за собой последнее слово.

– Предполагается участие члена Политбюро в военном параде, который будет принимать президент Фархад. Как вы считаете, это допустимо? Нет ли опасности для высокого гостя?

– Исключено, – сказал Гареев. – Все меры приняты. Мы полностью контролируем ситуацию.

16

Муртаза пришелся по душе Абдулу. Этот парень хоть и был немного легкомыслен, но честен и смел, и Абдул размышлял, как привлечь его к участию в покушении. Он беспрестанно расспрашивал Муртазу, и когда разобрался в парне получше, отправил его с первым заданием – на площадь перед президентским дворцом. До парада оставалось три дня. Муртазе предстояло с площади проникнуть в переулок, на который нацеливался Абдул, затем перелезть через стену и уже там, за стеной, оценить обстановку на месте, где должны будут находиться в автомобиле Муртаза с Амирой, пока Абдул и Хусейн приведут в исполнение приговор предателю.

Муртаза вернулся в дом, где скрывался Абдул, довольно скоро, при этом вид у него был несколько смущенный.

– Что случилось? – встревожился Абдул.

– Странное дело, – сказал Муртаза. – Не нашел я этот переулок.

– Я же рисовал тебе схему перед тем, как ты отправился туда.

Он подошел к столу, где лежал исчерканный клочок бумаги.

– Вот площадь, вот ювелирная лавка, рядом – еще лавчонка, вот как раз между ними – эта щель.

– Лавки есть, – кивнул Муртаза. – А щели нет.

Он явно что-то путал. Если это так, то неважный из него помощник. Но что-то тревожило Абдула в этой истории. Какое-то недоброе предчувствие. Поразмыслив, он решил лично отправиться на площадь, хотя это и было рискованно. Даже после того, как он сбрил усы и бороду, его могли опознать. И тем не менее предчувствие заставляло его действовать.

К центру столицы он шагал стремительно, словно кто-то невидимый подгонял его, и только у ограды дворца сбавил шаг, чтобы успокоить тяжело бьющееся сердце. За оградой было пустынно. Абдул искоса бросал взгляды сквозь решетку, ожидая, что вот-вот мелькнет между стволами знакомый профиль предателя. Внезапно ограда закончилась, Абдул вышел на площадь – и остановился как вкопанный.

Напротив, через площадь, он видел ювелирную лавку и мелочную лавчонку, о которых говорил сегодня утром Муртаза, но между ними не было теперь никакого просвета. Это было так же невероятно, как если бы, придя на площадь, Абдул не обнаружил здесь президентского дворца. Он направился через площадь, и пока шел, не отрываясь смотрел в одну точку – туда, где был переулок, а теперь высилась стена, неотличимая от стен выходящих на площадь домов.

Подойдя вплотную, Абдул коснулся стены пальцами – она была теплой от солнца, и это окончательно убедило его, что все происходящее – не сон. Их опередили. В самый последний момент, когда уже ничего нельзя изменить, выяснилось, что кто-то разгадал их замысел.

Он отвернулся от стены. Теперь перед ним снова были президентский дворец и массивные ворота ограды. Вскоре здесь установят трибуну, в назначенный час на нее поднимется президент Фархад, и до него будет совсем близко, рукой подать, если стоять на том месте, где сейчас стоит Абдул. Только теперь он вполне оценил, как хорош был его неудавшийся план. Достаточно лишь в нужный момент сделать несколько шагов и выстрелить. Но все это теперь не

имело значения. Другого способа попасть на площадь в день парада нет – все входы и выходы будут перекрыты службой безопасности.

Справа, из-за угла квартала, показался полицейский автомобиль. Абдул вздрогнул, развернулся и торопливо зашагал вдоль стены. Он слышал, как неумолимо подползает машина – еще несколько секунд, и они поравняются, но в последний миг, отворачивая лицо от надвигающейся опасности, он скользнул взглядом по вывеске, углядел вход в лавчонку, проскользнул в нее и захлопнул за собой дверь.

Продавец вскинул голову и поглядел на Абдула вопросительно. Вошедший прошелся вдоль прилавка, делая вид, что рассматривает разложенный товар, потом обернулся и бросил быстрый взгляд сквозь витрину. Там была все та же площадь, тот же дворец.

– Что угодно господину? – спросил лавочник.

– Я хотел бы приобрести коробку фитилей для ламп, – сказал Абдул первое, что пришло в голову. – Но вижу, у вас их нет.

– Но почему же?

Хозяин отдернул занавеску за спиной и крикнул.

– О-эй, Фатима! Где у нас фитили для ламп?

За занавеской Абдул разглядел лестницу, ведущую наверх.

– Так-так, – сказал он. – У вас тут, оказывается, и магазин, и склад.

– И жилье тоже, – кивнул лавочник.

По лестнице, постукивая башмачками, сбегала девчушка лет десяти, сверкнула в сторону Абдула черными глазенками.

– Кое-кому везет, – заметил Абдул. – Удобно живете, все торжества как на ладони.

Лавочник пожал плечами.

– Ну уж, во всяком случае, не отсюда. На это есть окно наверху.

– А почему, разве оттуда лучше видно?

– Здесь во время парадов полным-полно полиции и охранников из службы безопасности.

На площадь выходить запрещают. Обычно я закрываю магазин и гляжу на все происходящее из окна. Так вы будете брать фитили?

– Разумеется, – торопливо согласился Абдул. – Десяток, прошу вас.

Выйдя из лавки он поднял голову. Из узкого оконца во втором этаже на него смотрела черноглазая Фатима. Абдул помахал ей и пересек площадь. Теперь он был абсолютно убежден в том, что Аллах на их стороне. Предатель умрет.

17

Всякий раз, когда до Хедара добиралось московское начальство, посольство разворачивало операцию под кодовым названием «Забить козла». К игре в домино это никакого отношения не имело, поскольку представляло собой набег вооруженных до зубов людей на стада джебрайских горных козлов – туранов, чьи великолепные витые рога, надлежащим образом обработанные, служили традиционным сувениром.

Хомутов попал в команду по «забиванию козла» впервые, и это для него оказалось неожиданностью. Только когда поздним вечером на посольском автобусе их доставили на аэродром к вертолету и он увидел, что за старшего с ними летит Уланов, он сообразил, что именно тот расстарался, замолвил словечко, где следует. И хотя между ними не все было ладно, Хомутов надеялся, что настроение Уланова переменится.

Летели трое: Хомутов, охранник посольства Баграев и инженер центра связи Онуфриев. Каждому выдали по «Калашникову» и по четыре рожка патронов. Уланов деловито растолковал, как надлежит действовать, и пока он их инструктировал, солнце окончательно скрылось за горами, и наступила черная южная ночь.

– Спокойно, спокойно, – бормотал Уланов. – Подсветим, когда потребуется, видно будет лучше, чем днем.

К нему подошел какой-то малый в летной кожанке, поинтересовался:

– Ты, что ли, готов, Уланов?

– Я всегда готов. Как юный пионер.

Через минуту обнаружилось, что лететь им предстояло под прикрытием двойки боевых вертолетов. В прошлом году, во время аналогичной операции, посольский вертолет был обстрелян с земли, и с той поры «охотники» не вылетали без сопровождения.

Малый в кожанке побрел к своей машине, на консолях которой болтались авиационные пушки, смахивавшие на сигары. Уланов перехватил взгляд Хомутова, пояснил:

– Больше тысячи выстрелов в минуту. Сегодня этот недомерок покажет, как они работают.

И почему-то с остервенением сплюнул при этих словах.

Поднялись и летели в полной темноте довольно долго, внизу не было ни огонька, так что казалось – никакой земли и жизни на ней нет, и только одни они, заблудившись в пространстве, устремляются куда-то в еще более глубокий мрак. Это было странное чувство. Словно их души остались в прошлом и они за него уже не отвечали. Они исчезли, испарились, а с испарившихся – какой спрос?

Хомутов забился в дальний угол, ему хорошо было сейчас от плотно обволакивающего одиночества. В конце концов он не заснул, а забылся, когда же вновь осознал себя в реальности, в салоне происходило какое-то движение. Кто-то отодвинул боковые двери, ворвался упругий, все еще горячий воздух. Уланов включил прожектор, и Хомутов снова обрел систему координат: они летели над землей, совсем низко, и белый луч суматошно шарил по сухим склонам холмов.

Подобрался Онуфриев, прокричал Хомутову в ухо, стараясь превозмочь гром двигателя:

– Давай к дверям, Паша! Пристегнись карабином, чтобы не вывалиться.

Он помог Хомутову устроиться поудобнее, подал автомат. Луч прожектора наконец-то наткнулся на то, что искал, – стадо в полтора десятка туранов, ошалев от шума и ослепленное ярким светом, бросилось вниз по склону холма. Вертолет заскользил вслед за ними, словно привязанный.

– Они теперь так и будут бежать по лучу! – прокричал Онуфриев. – Подойдем ближе – бей очередями!

Вертолет опустился еще ниже и теперь хищной птицей болтался над горсткой обезумевших животных. Хомутов прицелился, и когда услышал выстрелы соседей, тоже нажал спусковой крючок.

Он не успел расстрелять второй рожок, когда их вертолет, заложив крутой вираж, развернулся и рванул обратно, к вершине холма, откуда они начинали атаку. Машины сопровождения летели рядом, держась позади. Онуфриев жестами показал: все, конец, охота завершилась.

– Как, уже? – удивился Хомутов.

Их вертолет опустился на землю. Теперь, в свете прожектора, Хомутов увидел трупы туранов. Их было с десяток, не меньше.

Онуфриев и Баграев направились по склону холма вниз. Появился Уланов, остановился рядом, спросил после паузы, стараясь казаться безразличным:

– Мы что – в ссоре?

– Нет, с какой стати?

Уланов вытащил сигарету.

– Это все из-за Люды?

Хомутов пожал плечами.

– При чем тут Люда?

– Но если она ни при чем – какого дьявола?

– Никто не виноват, Дима. Дело во мне. Знаешь, бывает ощущение, что ничего уже не исправить. Мне вот уже за сорок – и что? Все эти годы – псу под хвост. Я – никто. Понимаешь? Просто никто, пустое место.

– Брось, – поморщился Уланов. – Через это, по-моему, все проходят. Сорок – критический возраст. Оглядываешься по сторонам, пытаешься итоги подбить – и начинает казаться, что все время шел куда-то не туда, впереди – тупик, и никакой радости. Ты оглянись...

– Я уже оглянулся, и тошно мне стало.

– Ты что-то решил?

– Уеду, пропади оно все пропадом.

– Домой?

– Да.

– Что ж, – Уланов пожал плечами, отвернулся, носком тяжелого ботинка ковырнул суглинок.

Внизу, на склоне, Онуфриев с Баграевым копошились над телами животных.

– Разве не лучше охотиться днем? – спросил Хомутов.

– Нет, не лучше. Днем тураны бросаются врассыпную. А ночью бегут кучно, держатся в луче, – пояснил Уланов и сразу, без всякого перехода, спросил: – А Люда? Она с тобой?

– Откуда я знаю?

Больше они на эту тему не говорили.

Хомутов пошел помочь спутникам. Онуфриев яростно рубил головы злополучным туранам, весь перемазанный кровью.

– Варвары, – буркнул Хомутов. – Хотя бы мясо брали...

– Не годится, – ответил Баграев. – Жесткое, как подошва. И козлом разит. Его сутки вываривать надо.

Головы, управившись, побросали в вертолет.

Снова пришел малый в кожанке, задрезжал недовольно:

– Вы чего возитесь? Утро скоро.

– А тебе нестерпимо? – хмуро спросил Уланов. – Пострелять охота?

– Ага, – ухмыльнулся малый. – Есть такое дело.

– Не надоело?

– Не-а.

Уланов поднялся в кабину, зло хрястнул дверцей.

– Двинули, – сказал Онуфриев.

Вертолеты оторвались от склона, заскользили вниз. Тот, который пилотировал летчик в кожанке, вырвался вперед и врубил прожектор, как это делал Уланов. Семью туранов он нащупал минут через двадцать, опустился ниже, и внезапно от вертолета к испуганному стаду протянулись огненные нити.

– Пушка, – крикнул на ухо Хомутову Онуфриев. – Фарш делает.

– Зачем?

– Просто. Кайф у него такой.

Расстреляв боезапас, вертолет сыто отвалил в сторону, пропуская машину Уланова вперед.

Над горами уже розовело. Все, кроме пилотов, спали, утомленные охотой. Когда их вертолет пошел на посадку, Хомутов открыл глаза и увидел солнце – переход из ночи в день был таким неожиданным, что он непроизвольно зажмурился.

Их уже поджидал грузовик. Они побросали тураньи головы в кузов, потом Хомутов подошел к Уланову, взял его за локоть.

– Спасибо. Заходи завтра ко мне, посидим.

– Не могу. С сего числа мы на особом режиме. Круглосуточное дежурство у машин. Большой босс прилетает. Ты, поди, тоже слышал?

– А то, – кивнул Хомутов.

18

Самый большой стресс в своей жизни шеф госбезопасности испытал, будучи в ранге посла СССР в Венгрии. Тогда, в пятьдесят шестом, все началось с митингов и демонстраций, поначалу как бы безобидных, и власти, промедлив, упустили момент, когда произошел перелом. Уличные толпы стали неуправляемыми. И только когда прозвучали первые выстрелы, стало ясно, насколько серьезно происходящее. Каждые три часа Шеф слал депеши в Москву, а на улицах Будапешта уже валялись трупы коммунистов. Шеф видел эти фотографии: растерзанные тела, кровавые звезды, вырезанные на спинах убитых. Он пытался загнать панический страх вглубь, и это ему удалось – внешне он выглядел деловито-озабоченным, и лишь временами вздрагивал от близких выстрелов – нервы были натянуты как струны. И только когда в Будапешт вошли советские танки, он поверил, что спасен, что все обошлось. Но страх оставался, и чтобы заглушить его, он с упоением вчитывался в сводки, которые ложились на его стол: подавлен очаг сопротивления в районе городского рынка, захвачена большая группа контрреволюционеров, удерживавших здание гимназии... Тех, кого брали с оружием в руках, расстреливали на месте – расплата за все, что пришлось пережить.

Венгерские события стали для Шефа хорошей школой. Каждой клеткой своего тела он осознал, что нельзя запускать болезнь, ее следует лечить сразу, еще до того, как потребуются хирургическое вмешательство. Так устроен мир – есть две могучие силы, между которыми идет борьба, и эта борьба жестока и кровава. Ни мы, ни они – никто не хочет прямого столкновения, ибо последствия непредсказуемы, и поэтому схватка идет на чужой территории. Столкнувшись в Венгрии, затем в Чехословакии и Польше – везде мы взяли верх, и не потому ли, что научены действовать решительно, не давая болезни захватить весь организм?

Сведения, которые поступали к Шефу из Джебрая, заставляли его мысленно возвращаться к событиям в Венгрии. Фархад пока еще прочно удерживал власть, но события развивались так стремительно, что уже не везде он поспевал, приходилось местами отступать, эти отступления еще были незначительны, но Шеф помнил, что точно так же, с мелких отступлений, начинался венгерский кризис. Потребуется совсем немного времени, чтобы в Джебрае все рухнуло. Здесь идет все та же нескончаемая схватка. Американцы поддерживают восставших северян, и это означает, что Фархаду необходимо без промедления оказать помощь. Его беспокойство имело под собой почву, и к Генеральному он ездил неспроста.

Шеф думал об этом все время, пока самолет нес его в Джебрай. И когда они приземлились и в аэропорту навстречу ему шагнул президент страны, окруженный свитой, он требовательно взглянул в лицо Фархада, пытаясь прочесть на нем ответ на свой вопрос – понимает ли тот, какие тучи над ним сгущаются?

Президент выглядел торжественно-благожелательным, лицо его выражало полнейшую безмятежность и радушие. Однако Шеф наметанным глазом мгновенно отметил, как необычно суетлива свита Фархада. Он не ошибся в своих предположениях – здесь царит нервозность, первый предвестник грядущих поражений. Это открытие его не ободрило.

Ничем не выдав своей обеспокоенности, Шеф стойчески выдержал пышную церемонию встречи, и только когда они сели в машину и кортеж направился в город, спросил через переводчика:

– Как обстоят дела, товарищ Фархад? Как обстановка в стране?

При этом взгляд его был участлив и дружелюбен.

– Обстановка стабильна, – отвечал Фархад. – Завтра состоится военный парад в честь Дня республики. Надеюсь видеть вас среди почетных гостей.

«О, разумеется, сейчас ему просто необходимо мое присутствие на торжествах, – отметил про себя Шеф. – Нет лучшего способа продемонстрировать, что Москва его поддерживает».

Он наклонил голову, выражая благодарность и согласие.

– Что на севере? Я слышал, на днях совершено нападение на армейскую колонну?

Фархад бросил на Шефа быстрый тревожный взгляд, сказал, выдержав короткую паузу:

– Мы держим ситуацию под контролем. Но нам, к сожалению, остро не хватает современных средств ведения боевых действий.

– Как вы понимаете, мы не можем направить в Джебрай людей, которые поднимали бы вертолеты в воздух и вели в бой танки. – Шеф пожал плечами. – Опыт Афганистана научил нас, что потери в таких случаях...

– Экипажи мы укомплектуем джебрайцами, – поспешно возразил Фархад. – Нам необходима техника.

– Что конкретно вас интересует?

– Танки, БМП, вертолеты огневой поддержки.

– Вертолеты в Джебрае уже есть, причем с нашими экипажами, – напомнил Шеф.

– Да, но единственное, чем они здесь занимаются, – охота на туранов, – усмехнулся президент. – У них нет приказа оказывать содействие нашим частям.

– На туранов?

– Да, горных козлов. Палят по ним из скорострельных пушек.

Шеф негромко рассмеялся.

– Ладно, – проговорил он, скомкав смех. – Я думаю, мы сможем перебросить их на север. А с бронетехникой следует разобраться детально. Полагаю, министр обороны представит нам развернутый доклад. Кстати, я до сих пор не знаю его имени.

– Бахир, – сказал президент. – Полковник Бахир.

Это имя он произнес так, что Шеф удивленно вскинул брови. Похоже, президент не очень-то жалуется своего министра обороны. Соперник? Скорее всего – да.

Вопрос об отношениях Фархада и Бахира он задал полковнику Гарееву, когда тот, уже ближе к вечеру, докладывал высокому гостю о положении дел в стране.

– По имеющимся у меня сведениям, – говорил Гареев, – Бахир постепенно вытесняет с ключевых постов людей, обязанных президенту, и ставит своих. Подробности мне пока не известны – ни к одному, ни к другому не удастся подобраться достаточно близко.

– Не беда, – хмыкнул Шеф. – День-другой, и мы будем в курсе всего. Фархад запросил помощи, так что придется ему раскрыться. Сразу после праздника приступим к работе. Кстати, как тут у вас в Хедаре? Я приглашен принять участие в военном параде. Это достаточно безопасно?

Гареев смотрел ему прямо в глаза, окруженные сеткой мелких морщин.

– Все меры по обеспечению безопасности приняты. Но стопроцентной гарантии дать не могу.

– Хитер ты, брат, – усмехнулся Шеф. – Меры приняты, а гарантий нету... Ловко!

– Должность такая, товарищ председатель. Всегда и во всем приходится сомневаться.

19

Гранатомет Абдул уложил в багажник, прикрыв сверху рулонами ткани. Было еще совсем темно, только над далекими горами небо слегка светлело.

Муртаза сел за руль, рядом с ним должна была ехать Амира. Абдул с Хусейном устроились сзади, положив автоматы под ноги.

– Вперед! – скомандовал Абдул.

Все они заметно нервничали, так что Абдулу пришлось подбодрить ребят:

– Сейчас бояться нечего. Полиция спит, служба безопасности еще не выставила посты.

Это, впрочем, не подействовало.

Выехали на площадь, где черной глыбой высился президентский дворец. Остановились у знакомой лавки, Абдул выскочил из машины и позвонил в дверь. Хусейн и Муртаза встали по сторонам так, чтобы их не было видно, и только Амира оставалась в машине. Она уже села за руль и поглядывала настороженно, не выключая двигателя.

Лавочник долго не появлялся, Абдулу пришлось позвонить еще раз, и только тогда за стеклом мелькнула полоска света и сонный голос спросил:

– Кто там, чего надо?

– Это я! Узнаете? – Абдул приблизился к окну, чтобы торговец мог его рассмотреть. – Я покупал у вас фитили.

– Помню. Но сегодня у нас закрыто. К тому же еще очень рано.

– Я знаю. Но у меня дело.

Щелкнул замок. Абдул с силой толкнул дверь и ввалился в магазин. Не давая лавочнику опомниться, следом влетели Хусейн и Муртаза, прижав его к стене.

– Тихо, – прошептал Абдул. – Веди себя правильно – будешь жить!

Оставив лавочника под присмотром Муртазы, они вдвоем с Хусейном перенесли в лавку гранатомет, автоматы и сумку с боеприпасами, после чего заперли наружную дверь. Амира тотчас отъехала.

– Кто еще в доме? – спросил Абдул.

Лавочник с ужасом смотрел на оружие в руках непрошенных гостей и молчал. Абдул повторил вопрос.

– Дочь, Фатима, – словно очнувшись, отвечал лавочник.

– Это все?

– Да.

– А жена?

– Жена сейчас у родственников.

Лавочника и его дочь заперли в подсобной клетушке, Муртазу оставили сторожить их. Поднявшись на второй этаж, Абдул с Хусейном устроились у окна. Солнце уже поднялось над хребтом и теперь заливало площадь и массивную, затянутую зеленой тканью трибуну на ней.

– Отсюда действительно все как на ладони, – сказал Абдул. – Даже не верится.

– Ты уверен, что сможешь попасть с такого расстояния?

– А мне не надо в него попадать. Достаточно попасть в трибуну. Она бронированная, и все произойдет так, как при попадании гранаты в танк. От удара с обратной стороны броневое листа, там, где будет стоять Фархад, отделятся сотни осколков. От них не укроешься. Продолжая двигаться с огромной скоростью, они поразят стоящих на трибуне. Но и это еще не все. Сама граната как бы прилипнет к броневому листу, прожигая металл раскаленной струей, и через мгновение на трибуне не останется ничего живого.

Абдул любовно погладил гранатомет.

– У предателя нет шансов. Ни одного.

На площади появились люди в форме. Суется, они перекрыли прилегающие улицы, растянулись цепью вдоль ограды дворца.

– Мы вовремя справились, – заметил Хусейн.

Минуло долгих два часа, прежде чем площадь начала заполняться. Штатских здесь почти не было, повсюду мелькали офицерские фуражки и каскетки полевой формы. С северной стороны площади выкатилось несколько армейских автомобилей и замерло – они должны были возглавить колонну войск.

– Сходи к Муртазе, – предложил Абдул. – Взгляни, как он там.
Ему хотелось, чтобы Хусейн немного отвлекся.

Заслышав шаги Хусейна, Муртаза встревоженно вскинул голову.

– Что там? – спросил он, кивнув в сторону площади.

– Готовятся. Полиции нагнали, шпиков из службы безопасности.

– Фархада нет?

– Трибуна пустая. А у тебя?

– Нормально.

– Не шумят подопечные?

– Сидят как мыши, – нервно рассмеялся Муртаза и повел стволом автомата. – Знают, что мы шутить не намерены.

– Ладно. Тогда я пошел.

Хусейн поднялся наверх к Абдулу.

– Спокойно? – спросил Абдул.

– Да.

И едва Хусейн проговорил, как внизу раздался грохот, словно кто-то настойчиво заколотил в дверь. Хусейн выглянул в окно и повернулся к Абдулу с испуганным лицом:

– Солдаты! Ломятся в лавку! Человек пять, не меньше.

Это была катастрофа. Абдул стремительно выпрямился, вскинул автомат. С их боезапасом они могут продержаться минут двадцать.

– Открывай! – орали на улице.

– К ним надо выйти, – подсказал Хусейн.

– И что потом?

– Не знаю. Но иначе нельзя – взломают дверь.

В комнату ввалился Муртаза. Его руки, сжимающие автомат, подрагивали.

– Там... там солдаты! – выпалил он.

Абдул уже принял решение.

– К ним пойду я. Аллах велик, все обойдется. А вы прикройте меня, если начнется свалка – открывайте огонь не раздумывая.

– Они захлопнут нас здесь, как в мышеловке.

– Нет, – Абдул покачал головой. – Здесь, в сумке, – противотанковая граната. Подорвете заднюю стену лавки и уйдете переулками к машине. Амира будет ждать до конца.

Он спустился вниз, выглянул в окно. Его заметили, один из солдат угрожающе поднял ствол, скомандовал:

– Открывай!

Абдул непослушными руками отодвинул засов, солдаты ворвались в лавку, столпились у дверей, озираясь.

– Ты что, дрыхнешь? – рявкнул один из них. – Оглох, да?

– Сегодня моя лавка не работает! – выпалил Абдул. – Не открывались даже.

– Ты хозяин?

– Я.

– Кто здесь еще, кроме тебя?

– Никого.

– Порядок знаешь? Дверей не открывать, из окон не высовываться, пока парад не закончится!

– Я понял, уважаемый, – закивал Абдул.

Солдаты, громыхая ботинками вышли, оставив его на пороге. Абдул снова запер дверь, поднялся наверх. Ноги были ватные.

– Что? – спросил Хусейн.

– Обошлось, – ответил Абдул хрипло, отирая рукавом пот с лица.

20

Президент Фархад ожидал высокого гостя в Голубом зале дворца – он хотел появиться на трибуне рука об руку с ним. Министр обороны находился здесь же, стоял в нише окна, рассеянно оглядывая дворцовую площадь.

Фархад прошелся по залу, повернулся на каблуках, и тут распахнулась дверь и вошел Шеф. Президент шагнул ему навстречу, слегка раскинув руки.

– Доброе утро!

– Доброе утро, товарищ Фархад! Рад поздравить вас со славным праздником – Днем республики.

Они обнялись. С Бахиром Шеф ограничился рукопожатием, и Фархад отметил это с удовлетворением – все, что умаляло персону Бахира, сейчас ласкало его сердце.

Спустившись на первый этаж, миновали длинный светлый коридор, устланный коврами, и на мгновение остановились перед массивной дверью – она тут же растворилась, и во дворец ворвались солнце, ветер и шум роящейся на площади толпы.

– Прошу, – Фархад величественно указал на ковровую дорожку, ведущую к трибуне, и вместе с московским гостем они двинулись, увлекая за собой свиту.

Шум на площади стих, как только они показались в дверях дворца. На трибуну руководители государства поднимались в благоговейной тишине.

– Есть! – выдохнул Хусейн и стремительно оглянулся, ища глазами Абдула.

Тот отложил в сторону гранатомет и приблизился. Фархад уже возвышался на трибуне, обмениваясь репликами с пожилым рослым человеком европейской наружности.

– Кто такой? – изумился Абдул.

– Гость, – пожал плечами Хусейн. – Не знаю его.

Абдул вынул из сумки ручную противотанковую гранату и спустился вниз. Муртаза торчал у окна, прикрываясь пестрой занавеской.

– Ты бы поменьше высовывался, – заметил Абдул. – Засекут – все сорвется.

Он протянул Муртазе гранату.

– Услышишь выстрел наверху – сразу рви стену, как договорились.

Муртаза кивнул. Углы его губ подрагивали.

На площадь уже вступали войска. Шеренги солдат маршировали мимо трибуны, нестройно раскачивались стволы карабинов, взятых на караул.

Возвратившись, Абдул поднял с пола гранатомет и попросил Хусейна:

– Ну-ка, помоги!

Полицейские и агенты службы безопасности стояли к ним спинами, наблюдая за парадом.

– Я сейчас прицелюсь, – сказал Абдул. – А ты прикладом выбьешь стекло. Так точнее.

Хусейн подошел к окну. Президент Фархад улыбался на трибуне, отдавая честь проходящим войскам. Его гость стоял неподвижно, с каменным выражением лица наблюдая за происходящим.

– Давай! – выкрикнул Абдул.

Хусейн ударил. Осколки со звоном посыпались на камни. Стоящим на трибуне этот звук не был слышен, но начальник охраны Шефа, ощупывая взглядом площадь метр за метром, заметил движение у дома напротив. Полицейские, стоявшие там, разом обернулись, глядя наверх. Начальник охраны перевел взгляд – в окне без стекла стоял человек с гранатометом, нацеленным на трибуну. Все это заняло считанные секунды, дальше он действовал в точности по инструкции: рванул к себе Шефа и сбил его с ног.

Почти одновременно с выстрелом Абдула внизу гроыхнуло, посыпалась штукатурка, а за окном поднялась беспорядочная пальба.

Вдвоем с Хусейном они бросились вниз, Муртаза уже стоял у пролома в стене, пританцовывая от нетерпения. Завидев их, он истошно крикнул:

– Скорее! Бежим!

Они промчались через крохотный дворик, перелезли через забор. Вслед им летели пули, но Абдулу уже начинало казаться, что все обошлось, до машины с Амирой за рулем было рукой подать. Внезапно Хусейн, бежавший последним, коротко вскрикнул и упал. Абдул остановился. Хусейн лежал, беспомощно загребая руками, как неопытный пловец, а на его груди расплывалось бурое пятно – пуля прошла навывлет. Абдул склонился над раненым.

– Встать сможешь?

Он смотрел не на него, а на ограду, из-за которой вот-вот должны были появиться преследователи. Хусейн застонал, перекатывая голову в пыли. В его глазах читалась мольба. Над забором появилась фуражка первого преследователя. Абдул выстрелил не целясь – голова исчезла.

– Хусейн, ты слышишь меня?

Раненый не отвечал. Похоже он был уже без сознания. Абдул приставил пистолет к виску Хусейна, выстрелил и, пригибаясь, бросился к машине.

Рухнув на заднее сиденье, он выдохнул:

– Гони, Амира!

21

Чтобы попасть на территорию советского госпиталя, Хомутову пришлось перелезть через ограду. Госпиталь охраняли джебрайцы, а пропуска у него не было.

Хирургическое отделение располагалось в глубине территории. Хомутов прошел по бетонной дорожке, свернул, заметив указатель, – и буквально столкнулся с Людмилой. Оба вздрогнули от неожиданности. Хомутов отступил на шаг и сказал, глядя на нее с насмешливым вызовом:

– Ну, здравствуй!

Не отвечая и хмурясь, Людмила обошла его, и Хомутов последовал за нею, держась чуть позади.

– Я уезжаю, – объявил он наконец.

Людмила молчала.

– Совсем уезжаю. Возвращаюсь. Понимаешь – совсем!

Она ускорила шаг.

– Что ты молчишь? – взорвался он. – Ведь я же никогда больше не вернусь.

На них оглядывались.

– Послушай! – горячо зашептал Хомутов. – Уедем вместе! Ты и я. А?

Людмила никак не реагировала.

– Ну, хорошо, – сдался Хомутов. – Я виноват. Это ты хотела услышать? Я вел себя по-свински, признаю. И все же...

Она остановилась так стремительно, что Хомутов едва не налетел на нее.

– Я ненавижу тебя, – негромко сказала она. – За пьянство твое, за тупое хамство, за всех этих баб...

Хомутов поднял руки, словно пытаясь защититься от этих слов.

– За то, что я, дура, на минуту поверила в тебя...

– Но это же все не так! – он сейчас на колени готов был опуститься, прямо здесь, но на них смотрели со всех сторон, и это его остановило.

Людмила замолчала, словно захлебнувшись горечью слов.

- Я объясню тебе все. Абсолютно все, – пообещал Хомутов.
- К ним бежал какой-то человек в белом халате, добежав, выдохнул:
- Люда! Тебя главный срочно разыскивает!
- И прежде чем она успела спросить, в чем дело, заторопился:
- Готовь операционную! Покушение на Фархада! Куча жертв!
- Она повернула к Хомутову стремительно побледневшее от волнения лицо и сказала:
- Счастливой дороги, Хомутов. Передавай там привет.

22

Паника, возникшая на трибуне за секунду до выстрела, сослужила Абдулу худую службу. Оружие в его руках дрогнуло, борт трибуны ушел из рамки прицела, реактивная граната, угодив под ноги марширующих по площади пехотинцев, срикошетила от брусчатки и попала в стоявший у ограды дворца армейский тентованный грузовик.

Президента Фархада и московского гостя, прикрывая собой, охранники эвакуировали с площади и укрыли за стенами дворца, оттуда оба спустя полчаса отбыли вертолетом за город, на военную базу, чтобы оттуда руководить действиями вооруженных сил, если со стороны покушавшихся последуют еще какие-нибудь шаги.

Фархад был взвинчен, каждые четверть часа требовал докладов о положении в столице, и чтобы хоть как-то его отвлечь, Шеф предложил подготовить текст обращения к народу – это крайне необходимо, чтобы дать знать населению, что обстановка в стране по-прежнему контролируется президентом.

– Но каковы негодяи?! – Фархад возвел руки к небесам. – Проклятые шакалы, я выжгу каленым железом их семя!

Особенно его тревожило, что покушавшимся удалось исчезнуть. Труп одного из них был обнаружен, но остальные – не была даже известна их численность – скрылись. Теперь войска и госбезопасность прочесывали весь город, хотя было заведомо ясно, что их усилия обречены.

– Для вас это не должно быть неожиданностью, товарищ Фархад, – заметил Шеф. – Враждебные силы готовы на все, чтобы сбить джебрайский народ с избранного пути. Вы – лидер государства, и именно на вас охотятся враги.

– Во всем виновата служба безопасности! – бормотал Фархад, торопливо расхаживая из угла в угол. Его жгла мысль о том, какая блестящая возможность перешерстить верхушку службы безопасности открылась теперь – в пику Бахиру.

– Можно, конечно, наказать недостаточно энергичных руководителей, – кивнул Шеф, словно прочитав мысли президента. – Но гораздо надежнее, если вы сами позаботитесь о собственной безопасности. Думаю, было бы целесообразно, пока ситуация в Джебрае остается недостаточно стабильной, отменить все публичные церемонии. Никаких парадов, никаких встреч с трясущимися массами...

– Но народ должен видеть своего президента! – насутился Фархад. – Я не могу менять традиции из-за происков горстки террористов.

– Разумеется, – согласился Шеф. – Пусть вас видят на первых полосах газет, не следует пренебрегать и телевидением.

Эти слова привели Фархада в хорошее расположение духа. Впервые после случившегося на площади президент рассмеялся.

– О чем вы говорите! Какие газеты? Лишь три процента населения умеют читать. Три! Тираж столичного официоза составляет полторы тысячи экземпляров, а о телевидении и говорить не приходится. Вещание ведется только на столицу и ее окрестности. На весь Хедар, по имеющимся данным, – не более пятисот телевизионных приемников. Мы слишком бедны,

чтобы тратить деньги на развитие средств массовой информации. Вот и остается одно – личный контакт!

Шеф пожал плечами, вздохнул.

– Вы подвергаете себя излишнему риску, товарищ президент.

– Я справлюсь с врагами! – Фархад склонился над гостем, погружившимся в кресло, заглянул в глаза. – Дайте мне эти танки, и я умиротворю страну!

– Танки вам в этом не помогут. – Шеф опустил веки, уткнул подбородок в грудь. – Для борьбы с террористами это оружие и грубо, и ненадежно. Я бы посоветовал вам существенно усилить личную охрану. Если понадобится – мы можем обучить ваших людей. И – я снова к этому возвращаюсь – необходимо ограничить до минимума контакты с населением.

Фархад мучительно поморщился. Чтобы разрядить обстановку, Шеф пошутил:

– Или, на худой конец, если уж массы так жаждут видеть руководителя государства, обзаведитесь двойником. Как Гитлер в свое время. Вероятно, вам приходилось слышать.

– Нет, я ничего не знаю об этом.

– Я не помню подробностей, но говорят, у него было несколько двойников – похожих как две капли воды на фюрера. В тех случаях, когда жизни Гитлера могла угрожать опасность, двойники его заменяли.

Лицо Фархада выражало такую озабоченность, что гость не выдержал, рассмеялся.

– Вам не кажется забавной эта идея, товарищ Фархад?

Но президент не принял шутливого тона, проговорил задумчиво:

– А почему бы и нет? У меня достаточно врагов. Более чем достаточно для одного человека.

23

Двое охранников за окном фотографировали друг друга на фоне клумбы. Щелчок затвора – и через несколько мгновений из щели выплзает готовый снимок. Шеф отвернулся от окна, спросил:

– Напомните мне, полковник, как эта машинка называется?

– «Полароид», – сказал Гареев и умолк, ожидая.

– Отличная штука, – заметил Шеф.

Гареев торопливо кивнул, давая понять, что и он думает так же.

– Итак, обстановка в Хедаре близка к нормальной, – вернулся к прерванной беседе Шеф. – Народ вылазку противников режима не поддержал.

– Это так, – подтвердил полковник. – Я объехал центр – в столице совершенно спокойно. Агентурные данные свидетельствуют о том же.

Шеф уже успел связаться с Москвой и доложить о случившемся Генеральному, который попросил его задержаться в Джебрае, чтобы на месте оказать оперативную помощь Фархаду.

– Есть у тебя соображения насчет того, как обеспечить безопасность президента? – спросил он у Гареева и поднял тяжелые веки, ожидая ответа.

Полковник оказался начеку.

– Во-первых, действительно необходимо помочь ему с техникой. Северяне стягивают крупные силы...

– Об этом я знаю, – перебил его Шеф. – Здесь, в Хедаре, что необходимо в первую очередь?

– Натаскать людей из личной охраны, можно взять с десятков в Союз, чтобы прошли серьезную подготовку. Среди них ничтожно мало профессионалов.

– Это раз! – Шеф загнул палец, обтянутый старчески-желтой кожей.

– Перестроить систему обороны дворца, в том числе и на случай нападения с воздуха.

– Два!

– Всерьез взяться за их службу национальной безопасности – она у Фархада не тянет.

Шеф на это ничего не ответил, напряженно всматривался за окно. Гареев испытывал непреодолимое желание взглянуть, что могло там так заинтересовать Шефа, но не посмел, остался на месте, в глубоком кресле.

– Что это там такое? – спросил наконец Шеф, и только тогда Гареев шагнул к окну.

У соседнего строения стоял посольский автобус. Какие-то люди таскали в подъезд туранные головы, увенчанные спирально изогнутыми рогами.

– Сувениры, товарищ председатель. – Гареев отчего-то смутился. – Специально подготовлены к приезду делегации.

Внезапно он углядел Хомутова, топтавшегося у автобуса, и смутился еще больше – так некстати появился здесь этот человек. Словно упрек полковнику в расхлябанности и медлительности. Давно следовало убрать его из посольства... Чертовщина! И едва он об этом подумал, как Шеф ткнул пальцем в сторону автобуса и осведомился:

– А этот человек у автобуса – кто он?

Гареев, чувствуя, как стремительно уменьшается в размерах на глазах у Шефа, пробормотал:

– Работник посольства. Фамилия – Хомутов.

Он хотел было добавить, что не сидел сложа руки, сигнализировал руководству, можно проверить, – но на это ему уже не хватило духу. Шеф сказал, не глядя на Гареева:

– Приведи-ка его сюда.

Тут Гареев понял, что погиб окончательно. Пересек улицу на непослушных ногах, окликнул Хомутова, спросил свистящим шепотом, прежде чем проводить в гостевой особняк:

– Ты как здесь, мать твою, оказался?

– Рога привез.

– «Рога»! – Гареев снова выругался. – Знаешь кто тебя вызывает? Председатель Комитета, член Политбюро!

Выговорил – и увидел, как посерело лицо Хомутова. Подтолкнул к двери:

– Давай живее!

Шеф уже восседал в кресле, лицом к двери, и когда Хомутов переступил порог, поздоровался первым, слегка наклонив голову, тронутую желтоватой сединой. Сесть ему не предложили, и Хомутов остался стоять, а позади него – Гареев.

– Как ваша фамилия, – спросил Шеф.

– Хомутов.

– А имя-отчество?

– Павел Иванович.

– В чем хозяйстве работаете?

– Я переводчик.

– Переводчик? – брови Шефа приподнялись. – Какие же языки, позвольте полюбопытствовать?

– Джебрайский. Кроме того, знаю северное наречие. Английский – хуже.

Шеф поднялся из кресла и медленно обошел Хомутова.

– А в Союзе где работали?

– Преподавал в вузе.

– Семья?

– У него нет семьи! – поспешно сказал Гареев из-за спины Хомутова.

– Жены нет, понимаю, – протянул Шеф. – А родители?

– Нету. Умерли они оба.

Шеф вопросительно посмотрел на Гареева, тот побагровел, попытался что-то сказать, но раскашлялся. Шеф сложил губы в трубку, отвернулся и с минуту изучал гравюру на стене. Автобус уехал. В пустом дворе остались только охранники – не те, что прежде, другие. Шеф шагнул к окну, открыл, позвал:

– Быстрецов! Иди сюда! Да не к окну – в дом.

Когда охранник с фотоаппаратом вошел, он указал на Хомутова:

– Сними-ка этого молодца с разных точек. Аппарат у тебя любопытный, посмотрим, что за качество.

Фотографии были готовы в три минуты. Разложив их на столе, под лампой, Шеф долго молча их рассматривал, потом сказал, не поднимая головы:

– Вы, Павел Иванович, подождите на улице. Гареев, подойдите.

Когда они остались вдвоем, он спросил, кивнув на снимки:

– Не узнаешь?

Полковник пригляделся. Не вполне понимая, что именно от него требуется, покачал головой. Тогда Шеф на одном из снимков черным фломастером пририсовал Хомутову усы.

– А теперь?

Что-то знакомое почудилось Гарееву, но он все еще колебался.

Шеф развернул столичную газету, положил ее рядом со снимком. С портрета на газетной полосе на Гареева смотрел... Да-да, именно Хомутов смотрел на него с нечеткого клише, такой же, как на полароидовском отпечатке, где Шеф собственноручно пририсовал переводчику лихие усы.

– Ну, похож? – спросил Шеф и себе же ответил: – Поразительно! Вылитый товарищ президент!

И только сейчас Гареев сообразил, что вовсе не о Хомуте шла речь в газете.

24

Джереми Вуд был тем человеком, который разработал план убийства Фиделя Кастро с помощью отравленных сигар. Кубинец любил сигары, это было известно, и нередко ему преподносили их в подарок – во время визитов. Джереми Вуд предложил опылить табачные листья тетродотоксином – и вручить готовые сигары через какого-либо из многочисленных гостей Фиделя, даже не подозревающих о том, что таится в благоуханном ящичке. Дело зашло уже довольно далеко, когда разразился скандал: план операции из-за утечки информации был обнародован, в конгрессе были назначены слушания по вопросу о несанкционированных операциях ЦРУ, и Вуда поспешно спланировали в аналитический отдел, от греха подальше.

Буря пронеслась верхами, полетели некоторые головы, но Вуд уцелел, его даже не вызвали для дачи показаний в конгресс – и он уже решил было, что так и завершит свою карьеру на незаметной должности в аналитическом отделе, как вдруг о нем вспомнили. Джереми вызвали к высокопоставленной персоне и спросили, что ему известно о Джебрае и его президенте Фархаде.

Вуд с самого начала принял решение отказаться от участия в операции, потому что история эта чересчур напоминала ту, давнюю, кубинскую, но ему дали понять, что ныне ситуация совершенно иная, у них есть поддержка на самом верху. Джереми, разумеется, не поверил, потому что знал, как все это будет происходить – без проблем, но только до той минуты, пока не случится какая-то осечка. Тотчас обнаружится, что ни в Белом доме, ни в конгрессе никто ни о чем не ведал, что ЦРУ снова вышло из-под контроля, и разразится гроза. Но отказаться ему не удалось, и уже через неделю он возглавлял группу, целью которой было устранение президента Фархада.

В день, когда информационные агентства сообщили о неудавшемся покушении на президента Джебрая, Вуд понял, что история с сигарами повторяется. Ему не пришлось долго маяться в неизвестности – позвонил помощник директора ЦРУ и сообщил, что его вызывает глава ведомства.

Шеф был мрачнее тучи, и с порога язвительно осведомился:

– Так, значит, это твоя специальная террористическая группа?

– Мальчики были неплохо подготовлены.

– Они даже стрелять не обучены! – раздраженно бросил шеф. – Промахнулись меньше чем с двухсот футов!

– От осечки никто не застрахован, – негромко, но твердо парировал Вуд.

– У них не будет возможности повторить попытку!

– Будет, – пообещал Вуд. – Мы владеем ситуацией. В группу внедрен наш человек. Он сообщил, что идет работа по подготовке повторного покушения.

– И как долго придется его ждать?

– Считанные недели, поверьте мне.

Шеф вздохнул.

– Если из этой истории будут торчать наши уши – тебе, Джереми, несдобровать, – посулил он.

– Я догадываюсь, – ответил Вуд.

Он говорил совершенно искренне, потому что с самого начала не был склонен обольщаться – в случае неудачи его сдадут первым и тогда припомнят все: и Фархада, и Кастро с его чертовыми сигарами.

25

Уланов вырвался в посольский городок всего на пару часов. Наудачу забежал к Хомутову и обнаружил, что тот сидит дома.

– Завидую, – буркнул Уланов. – Валяешься тут в тепле и буржуазном комфорте, а мы уже вторые сутки при машинах как собаки.

Хомутов пожал плечами с видимым безразличием.

– Что-то случилось? – сообразил Уланов.

– Ничего особенного. Просто теперь меня точно отсюда вышибут.

– Гареев?

– Официально не объявляли, но вчера вечером меня вызывали к высокому гостю.

– К Шефу? – разинул рот Уланов. – Ничего себе!

– Вот так. Не каждым работником посольства председатель КГБ лично занимается.

– И что же теперь?

– Домой вернусь. У меня там жилье как-никак. Устроюсь на работу. Буду жить, а что?

– А... а Люда? – Уланов запнулся, увидев, как изменился в лице Хомутов.

– Что – Люда?

– Она остается?

– А куда же ей деваться? – Хомутову больше не удавалось казаться небрежно-равнодушным. – Ничего у нас не получилось, Дима. Сам я, дурак, виноват. Тут еще вся эта муть навалилась – я и не сдержался. Ну да что там теперь... Поговорить хотел – не вышло. Я ей напишу, ты передашь при случае, ладно?

Уланов кивнул.

– И еще. Книги свои заberi – те, что у меня лежат. Думаю, отправят меня спешно.

– Не до них сейчас. У меня час остался. Потом.

И опять переключился:

- Ты был на площади, когда в Фархада стреляли?
- Нет. Онуфриев был. Говорит, граната в машину угодила – одни воспоминания остались.
- Крепко испугались, – сказал Уланов. – Фархад теперь злость срываает. Сегодня наших на север перебрасывают.
- Зачем?
- Как зачем? Воевать.

26

Идея с двойником Шефу нравилась все больше. Этим приемом достигалось сразу несколько целей: Фархад становился почти ручным, влияние на него возрастало безмерно, к тому же через человека, который станет двойником президента, можно получить доступ к информации, о которой пока остается только мечтать. Именно поэтому идею необходимо воплотить немедленно, пока Фархад находится под впечатлением событий на площади и его легко убедить в целесообразности такого шага.

Утром, при встрече, Шеф выложил на стол перед Фархадом несколько фотографий.

– Полюбуйтесь, – сказал он. – Любопытное лицо. Я решил продолжить наш разговор о двойнике.

Президент, несколько удивленный, не касаясь снимков, поднял глаза на собеседника. В его взгляде читалось колебание.

– У вас вызывает сомнение степень сходства? – Шеф извлек еще одну фотографию – ту, где лицо Хомутова украшали усы. – А если вот так?

Фархад покачал головой.

– Совершенно не похож, – проговорил он.

Тогда Шеф выложил главный козырь – газету с портретом самого Фархада. Впрочем, теперь, при дневном свете, он и сам видел, что различия довольно заметны. Вечером это не так бросалось в глаза.

– Что ж, действительно похож, – Фархад сделал паузу. – Но в газете портрет отретуширован – вам это, должно быть, знакомо.

– Точно так же можно подретушировать не только снимок, но и лицо, – вкрадчиво подсказал Шеф.

– Что вы имеете в виду?

– Маленькая пластическая операция, товарищ Фархад. Различий, как вы сами отметили, не так много. Чуть сузить разрез глаз, убрать складочку – это нетрудно. И у вас появится двойник. Плюс еще и в том, что его подготовка не займет много времени. Этот человек работает переводчиком в нашем посольстве, безупречно владеет языком, знаком с местной спецификой.

– Я бы хотел взглянуть на этого человека, – сказал президент. – Это возможно?

– Вполне.

Понадобилось полчаса, чтобы разыскать Хомутова и доставить его во дворец. Его не провели в само здание, а оставили на подстриженной лужайке у левого крыла, предложив немного подождать здесь. Фархад разглядывал прохаживающегося среди цветников переводчика из окна первого этажа, укрывшись за жалюзи. Стоя рядом, московский гость не столько смотрел на Хомутова, сколько отслеживал реакцию президента. Однако на смуглом лице Фархада ничего нельзя было сейчас прочесть.

– Удастся ли нам сохранить конфиденциальность? – неожиданно спросил президент.

– Да, я более чем уверен.

– Кто будет знать о существовании двойника?

– С нашей стороны – я, полковник Гареев, врач, который проведет косметическую операцию...

– Врач будет из Джебрая! – перебил Фархад. – Из Хедарского медицинского центра.

– Что ж, – согласился Шеф. – Как вам будет угодно. Кроме того, будет проинформирован наш советский посол. Это то, что касается Хедара. В Москве же, где я, естественно, доложу этот вопрос в высшей инстанции, в курсе будут все члены Политбюро, а также несколько сотрудников аппарата КГБ, связанные с осуществлением такого рода операций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.